

ВОСПОМИНАНІЯ О БОЕВОЙ СЛУЖБѢ НА КАВКАЗѢ.

Постоящія записки, составленныя спустя болѣе полутора десятилетій, не имѣютъ характера историческаго описанія кавказской войны, а включаютъ въ себѣ простой рассказъ о совершившемся на моихъ глазахъ. Въ памяти моеѣ до мельчайшихъ подробностей живо рисуются всѣ событія, свидѣтелемъ которыхъ я былъ самъ, и потому рассказъ свой я основываю единственно на моихъ отрывочныхъ запискахъ и своихъ воспоминавіяхъ. Начиная его съ того имѣтно времени, когда я, въ 1858 году, явился на Кавказъ и поступилъ на службу въ Д—скій пѣхотный полкъ, я останавливаюсь на періодѣ времени съ августа 1858 года по августъ 1859 года включительно.

Авторъ.

I

Движеніе въ ауховское общество въ 1858 году.

Прибытіе на Кавказъ.

Въ концѣ іюня 1858 года подъѣхали мы къ предгоріямъ главнаго Кавказскаго хребта. Въ станицѣ Шедюзоводской, расположенной на рѣкѣ Терекѣ, тогдашней границѣ безопаснаго мѣста на кавказской линіи, намъ пришлось остановиться, такъ какъ далѣе ѣхать безъ окаянъ было уже нельзя. Почты тогда еще не существовало, а всѣ посылки и письма перевозились при той же окаянѣ. Сами путешественники должны были нанимать возчиковъ по условной платѣ, а тѣ, пользуясь такими случаями, брали за провозъ большія деньги.

Дорога идетъ сначала у подножія горъ, а съ послѣдней станицы, при Кунтъ-Казе, сворачиваетъ въ горы и до самой почти Темиръ-Ханъ-Шуры идетъ по руслу рѣчки Шуринки. Небольшая эта рѣка въ жаркое время года до того ничтожна, что пѣшему человѣку легко перешагнуть ее, не замочивъ даже своихъ ногъ; но надобно видѣть эту рѣку во время сильнаго дождя въ горахъ, откуда она и беретъ свое начало: не болѣе трехъ, четырехъ часовъ спустя послѣ дождя въ ней прибываетъ такое громадное количество воды и притомъ теченіе становится столь быстрымъ, что нужно имѣть очень большую смѣлость, чтобы отважиться на переправу.

Въ Кунтъ-Балѣ вся окаязія наша, по нелѣтнію въ аулѣ никакихъ ночлеговъ для прїѣзжающихъ, расположилась почевать на небольшой площадкѣ близъ садовъ аула, и такъ какъ вечеръ едва только начинался, то къ намъ набѣжало изъ аула множество мальчишекъ и празднаго народа.

Обрусьлые мальчишки уже не дичились насъ, русскихъ, и предлагали показывать за шауръ⁽¹⁾ свое искусство стрѣльбы изъ лука. Дѣйствительно, на разстояніи 20 или 25 шаговъ, мальчишка легъ восьмью нопадазъ совершенно вѣрно въ намѣченную точку на камнѣ.

Чуть свѣтъ мы тронулись въ дорогу. Укрѣпленіе Темиръ-ханъ-Шура въ 1858 году было далеко непривлекательное мѣстечко: нѣсколько казенныхъ зданій некрасивой архитектуры⁽²⁾, немощенныя и грязныя улицы, одноэтажные, маленькіе солдатскіе домики въ два, три окна, да нѣсколько домиковъ покрупнѣе — офицерскихъ, — вотъ и все. Укрѣпленіе такъ необширно, что въ какой нибудь часъ времени можно было обойти всѣ улицы и побывать на базарѣ, который лѣтомъ представлялъ весьма интересный видъ; для всякаго прїѣхавшаго въ первый разъ на Кавказъ: груды винограда, персиковъ, арбузовъ и мѣшки съ сушеными фруктами громоздятся большими кучами около маленькихъ лавочекъ персіанъ-торговцевъ.

Пробывъ три дня въ Шурѣ, мы дождались конной окаязіи, и на простой новозакѣ, по довольно сносной дорогѣ, направились въ Евгеньевское укрѣпленіе.

Дорога отъ Шуры до Евгеньевского шла сначала по широкой и ровной долинѣ вплоть до, такъ называемыхъ, «Волчьихъ воротъ». Прѣѣхавъ двѣ близъ сошедшіяся небольшія горы, составляющія «Волчьи ворота», мы далѣе слѣдовали до самаго Евгеньевского укрѣпленія по холмистой мѣстности.

Отъ Шуры до Евгеньевского почва совершенно глинистая и растительность на ней очень жалкая: рѣдкій бурьянъ и бѣдошья пастбища даютъ лѣтомъ и зимой пищу для невазыскательныхъ горскихъ барановъ.

Не дотѣжая версты полторы до укрѣпленія Евгеньевского, среди голыхъ и каменистыхъ скалъ, путникъ замѣчаетъ маленькія каменные башенки съ красными желѣзными крышами. Это небольшое, на одинъ баталіонъ, укрѣпленіе, построено еще генераломъ Головиннымъ послѣ взятія Хубарскихъ высотъ и аула Черкеса въ 1841 году, для обезпеченія укрѣпленнаго моста черезъ рѣку Сулакъ отъ набѣговъ горцевъ изъ Са-

(1) Шауръ — пять копеекъ серебромъ.

(2) Одишь только домъ командующаго войсками въ Прилепѣйскомъ краѣ — довольно красивое зданіе — уѣздъ отличался отъ всѣхъ остальныхъ.

латави въ Шамхальство Тарковское. Оно расположено на небольшой, но ровной площадкѣ, на правомъ берегу Сулама, противъ знаменитаго въ прошломъ, но теперь раззореннаго аула Черкеа. Прямо, по ту сторону рѣки, возвышается довольно крутая гора, по которой идетъ дорога въ стропившееся тогда укрѣпленіе Буртунай — штабъ-квартиру Д—сваго пѣхотнаго полка. По этой-то дорогѣ приходилось на другой день намъ отправиться.

Окруженное со всѣхъ сторонъ крутыми горами, Евгеніевское укрѣпленіе находится какъ бы въ котловинѣ, недоступной для вѣтровъ и въ особенности сѣверныхъ, почему климатъ тамъ вообще тепелъ, а въ лѣтнюю пору жары доходятъ иногда до 45 градусовъ. Не смотря, однако, на спѣлые жары, большое изобиліе фруктовъ, при большой сухости почвы, тамъ совершенно не бываетъ болѣзней, свойственныхъ жаркому климату; вѣна же тамошняя проходитъ почти безъ снѣга.

Съ окончаніемъ войны на Восточномъ Кавказѣ, укрѣпленіе Евгеніевское было упразднено, и остались только лишь двѣ маленькія башенки по обѣимъ сторонамъ каменнаго моста, гдѣ и до сего времени помѣщается нашъ небольшой караулъ.

Укрѣпленіе Буртунай.

Въ Евгеніевскомъ мы лишь переночевали, и на другой день съ оказією, состоявшею уже изъ цѣлаго баталіона пѣхоты и двухъ орудій, отправились въ Буртунай.

Погода была пасмурная. По горамъ ходили тучами густыя облака.

Переправившись по мосту черезъ Сулакъ, окаянъ тотчасъ же начала круто подниматься въ гору. Въ то время дорога въ Буртунай была еще плохо разработана русскими, и по ней можно было ѣхать лишь верхомъ или пѣшкомъ. Мнѣ не удалось достать себѣ верховой лошади и потому пришлось расчитывать на свои ноги. Легко одѣтый, я тутъ было не заплатилъ на первыхъ же порахъ.

Подъѣмъ на гору былъ очень трудный и хотя я шелъ сначала бодро, но скоро пришлось почувствовать себя далеко непривыкшимъ къ такого рода путешествіямъ. Съ большою завистью смотрѣлъ я на солдатиковъ, которые, подъ тяжестью своей ноши: ружья, ишка съ хлѣбомъ, шинели и сумки съ 60 боевыми патронами, шли себѣ преспокойно и, покуривая свои коротенькія трубочки, несело подтрунивали другъ надъ другомъ, съ приправою веселыхъ остротъ. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становилось все прохладнѣе, и туманъ, уже окружавшій насъ, сыпалъ на-жорозью, пронизывавшею насъ до костей. Огромный чарвударскій транспортъ, бывшій въ нашей колоннѣ, на въѣлахъ котораго везлись артиле-

рійскіе снаряды въ Буртунай, задерживалъ допженіе на каждомъ шагу.

Приходилось сдѣлать двѣнадцать верстъ крутого подъема, чтобы податься къ перевалу, т. е. къ горѣ Ибрагимъ-Дадѣ, плато которой возвышается на 7,000 футовъ надъ уровнемъ моря. «Проклятая эта Ибрагимъ-Дада!» называли ее солдаты. И дѣйствительно, сколькихъ жертвъ она стоила! Не проходило ни одного года, чтобы не замереть на ней ктонибудь. Выйдутъ, бывало, солдаты изъ Евгеніевскаго въ хорошую погоду, а смотришь, на Дадѣ этой бушуетъ метель. Впрочемъ, нужно было пройти по верхнему плато этой горы версты двѣ, а затѣмъ уже начинался спускъ до теренгульскаго оврага, на другой сторонѣ котораго расположенъ былъ штабъ Д—скаго пѣхотнаго полка.

Послѣ значительнаго привала подъ самою горою, мы благополучно перешли ее и спустились къ Теренгулу. Здѣсь сѣдуютъ скавать нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ теренгульскомъ оврагѣ.

До 1857 года, т. е. до ваятія аула Новый-Буртунай, который лежитъ верстахъ въ четырехъ ниже теренгульскаго оврага и Старога-Буртуная⁽¹⁾, оврагъ этотъ былъ сплошь покрытъ громаднымъ заповѣднымъ лѣсомъ. Шамилемъ запрещено было, подъ смертною казнію, рубить хотя бы сучья этого лѣса, и пройти оврагъ, не зная всѣхъ тропинокъ его, было положительно невозможно. Обезпеченный съ этой стороны отъ вторженія русскихъ въ Салатавію, Шамиль ограничился постановкою одной сторожевой башни на буртунаевской высотѣ, въ которой для наблюденія всегда находились нѣсколько человѣкъ мюридовъ. Въ 1857 году, когда предположено было заваять Буртунай, какъ важный для насъ пунктъ въ стратегическомъ отношеніи, собранъ былъ въ маѣ нѣсколько значительный отрядъ, который и двинулся отъ укрѣпленія Евгеніевскаго. Пользуясь густымъ туманомъ, отрядъ, по совершенно открытой впереди оврага мѣстности, пробрался незамѣченный горцами къ самому Теренгулу и, взявъ при себѣ хорошаго проводника-горца, перешелъ по незнакомымъ тропинкамъ на другую сторону, но такъ тихо и скрытно, что изъ сторожевой башни мюриды замѣтили движеніе русскихъ только тогда, когда часть отряда была уже на горѣ. Какъ видите, башню разорили, мюридовъ-сторожей перекололи и отрядъ занялъ высоты. Унававъ обо всемъ этомъ, Шамиль быстро собралъ полчище въ нѣсколько сотъ тысячъ конныхъ и пѣшихъ, привезъ свои орудія и ставъ на позицію за небольшою балкою, съ западной стороны, нѣсколько дней стрѣлялъ по нашему отряду. Вреда особеннаго, однако,

(1) Аулъ Старый-Буртунай хотя и былъ взятъ русскими въ 1845 году, но войска наши тогда здѣсь не утвердились и ограничивались только раззореніемъ его.

онъ не прицѣплялъ пойскаиъ и скоро удалился съ своими мюрядами по-своиъ. Ваявъ теренгульскій оврагъ, можно было опладѣть и ауломъ Новый-Буртунай, и, дѣйствительно, въ томъ же году, въ ночь съ 4-го на 5-е октября, аулъ этотъ былъ ваятъ штурмомъ.

Такъ палъ аулъ Новый-Буртунай, а съ нимъ погибъ и завѣтный лѣсъ теренгульскій, вѣковые чинары котораго пошли на постройку новаго укрѣпленія — Буртунай.

Буртунаевскія высоты съ огромными дугами и великолѣпною на нихъ травою были весьма важны для скотоводства Аварин, Андін и Салатавин. Жителямъ окружныхъ ауловъ пришлось много потерять, допустивъ русскихъ на эти высоты: стада ихъ, за недостаткомъ пастбищныхъ мѣстъ, должны были значительно уменьшиться, а самимъ имъ пришлось бросить свои жилища и углубиться дальше въ Большую Чечню и за Андійскій хребетъ.

Буртунаевская возвышенность лежитъ по скату горы, плоскость которой имѣетъ отъ 15 до 20° наклона въ западу. По склону этой площади расположено амфитеатромъ самое укрѣпленіе съ форштабомъ. Съ южной стороны, гдѣ стоитъ кавальеръ-батарея, въ небольшомъ оврагѣ протекаетъ маленькая горная рѣчка, снабжающая весь штабъ превосходною водою.

Ниже теперешняго укрѣпленія, надъ небольшою, но лѣсистою балкою возвышается невысокій курганъ, который носилъ и теперь названіе «Шольцова кургана», по случившейся на немъ кровавой катастрофѣ въ 1857 году. Я разскажу этотъ случай, какъ слышалъ отъ другихъ.

Въ первое время по занятіи войсками Буртунай, для обезпеченія на случай опасности, которая болѣе всего могла грозить съ западной стороны, какъ лѣсистой, ежедневнo днемъ нужно было выставять пикетъ на удобное мѣсто. Для этого упомянутый курганъ былъ выбранъ. И вотъ, въ одинъ изъ несчастныхъ для насъ дней, пикетъ отправился на мѣсто рано утромъ подъ командою Д-скаго полка штабсъ-капитана Шольца. Не предвидя особенной опасности для себя, Шольцъ не соблюлъ нѣкихъ правилъ форпостной службы и, приближаясь къ своему посту, не выслалъ впередъ развѣдывающаго патруля. Горцы давно уже замѣтили, что русскій пикетъ ходитъ всегда безъ всякихъ предосторожностей и рѣшились воспользоваться такою оплошностію, чтобы вырѣзать его. Какъ и всегда, все было тихо; но едва солдаты составили ружья въ козлы, какъ горцы, бывшіе еще съ ночи въ засадѣ за курганомъ въ оврагѣ, выскочили изъ оврага и, давъ валить изъ ружей, бросились въ шашки. Штабсъ-капитанъ Шольцъ и всѣ солдаты были зарублены въ куски и спасся лишь только одинъ изъ рядовыхъ,

который тоже получилъ рану, но, въ суматохѣ псзавѣщепный горцами, спрятался въ кусты и пролежалъ тамъ до конца катастрофы. Все это произошло на глазахъ всего отряда. Пока назначенная изъ лагеря подмога добѣжала до мѣста происшествія, все было уже кончено, и горцы успѣли скрыться. Штабъ-капитана Шольца нашли между солдатскими трупами страшно изрубленного и совершенно обожженного.

Съ этого памятнаго для насъ дня курганъ носить имъ «кургава Шольцова». Тѣло его и солдатъ схоронили на томъ же курганѣ, и поставленный надъ ними бѣлый крестъ видѣнъ и теперь еще изъ укрѣпленій.

Относительно климата, можно сказать, что въ Буртунай онъ превосходитъ. Буртунай возвышается около 5,000 футовъ надъ морскими уровнемъ. Лѣтомъ бываетъ лишь теплая погода, но жаровъ никогда; вѣтъ тамъ ни мукъ, ни другихъ насѣкомыхъ, которыя въ впадинахъ мѣстахъ Кавказа причиняютъ не малое неудобство. Хотя климатъ Буртунай болѣею частію довольно ровный, однако в средѣ лѣта намъ приходилось иногда влѣтъ зиму—на короткое, впрочемъ, время. Въ 1861 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ на киркинской возвышенности, которая лежитъ къ югу отъ крѣпости и отдѣляетъ Гумбетъ отъ Салатави, оказія, шедшая изъ горъ въ Буртунай, подъ командою нашего полка штабъ-капитана Ф—скаго, едва было совсѣмъ не погибла отъ жителя на горѣ, и только благодаря опытности колоннаго начальника — стараго кавказца, потеряла лишь двухъ человекъ солдатъ и нѣсколько лошадей съ мѣлками, свалившихся и замершихъ въ оврагѣ.

Движеніе въ Дылымъ.

Для постройки новаго укрѣпленія Буртунай еще съ весны была собрана отрядъ изъ нѣсколькихъ баталіоновъ 21-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Врангеля. Баронъ Врангель въ половинѣ августа, какъ слышно было, намѣренъ былъ предпринять движеніе въ непокорное намъ ауховское общество, жители котораго, населявшіе все пространство отъ Буртунай и до плоскости, издавна отличались особенною непріязнью къ русскимъ и, находясь теперь въ близкомъ сосѣдствѣ, могли безпрестанно вредить войскамъ, занимавшимъ Буртунай. Цѣлью такого движенія было уничтожить непріятельскіе хлѣбные посѣвы на поляхъ, которые были уже готовы къ сбору, и разгнѣвать просѣки, начатыя еще въ прошломъ году.

Въ началѣ августа нашему баталіону (я состоялъ въ 4-мъ баталіонѣ) пришлось отправиться на покой.

Хозяйственная часть войскъ на Кавказѣ велась тогда своеобразнымъ путемъ. Заготовленіе сѣна, напримѣръ, производилось самими войсками

слѣдующимъ образомъ: отправляются бывало баталіона два (смотря по назначенію) въ полномъ составѣ, куда нибудь на хорошую поляну; на-костятъ сѣна и перевезутъ его въ свой штабъ; а не доставятъ на-вошеннаго на яму — идутъ опять эти два баталіона въ горы, навьючатъ лошадей непріятельскими сѣномъ, которое запасено у горцевъ въ скардахъ на полянахъ на всю яму, и возвратятся себѣ домой съ хорошими запасами на долгое время.

Бывали, конечно, случаи, когда такого рода пріобрѣтенія стоили нѣсколькихъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, да вѣдь на Кавказѣ почти каждый шагъ стоилъ тогда жертвъ.

Мы стояли еще на покой, когда 19-го августа 4-му баталіону было приказано возвратиться въ штабъ-квартиру и, запасясь провіантомъ, 20-го числа выступить въ составѣ цѣлаго отряда въ урочище Дылынь.

Походные наши сборы были очень не долги, и рано утромъ 20-го августа все было уже готово къ выступленію: палатки сняты и уложены на вьюки, провіантъ розданъ солдатамъ и патронныя сумы пополнены. Послѣ напутственнаго молебна, начальникъ отряда, баронъ Врангель, проѣхавъ по нашимъ рядамъ, похваливъ насъ съ походомъ и отрядъ, съ пѣсennиками впереди, двинулся по дорогѣ къ аулу Новому Буртунаю. Старая татарская дорога, по которой мы шли, была до того узка, что весь отрядъ долженъ былъ растянуться на большое расстояние: вскорѣ бѣлый, живой змѣйкой заколыхался онъ по изгибамъ горъ и овраговъ.

Было превосходное, ясное утро, обѣщавшее намъ жаркій день. Солдаты на походѣ сбросили съ себя мундиры, привязавъ ихъ саади къ сухарному мѣшку.

Офицеры всѣ были верхами. Въ походѣ это отступленіе отъ устава не только никогда не преслѣдовалось начальствомъ, но чуть ли даже не вѣнялось въ обязанность имѣть офицеру лошадь, и именно, на томъ основаніи, что на строевого офицера возлагались иногда такого рода порученія, которыя онъ не могъ бы выполнять никакъ, не имѣя у себя верхового коня. Почти у всякаго офицера, кромѣ того, имѣлась еще пьючная лошадь, на которой везлось въ походѣ все необходимое. Были, конечно, у насъ и такіе бѣдняки офицеры, которые ограничивались и одною верховою лошадью, но тогда саади къ сѣдлу прививывались переметныя сумы, а на нихъ свернутая трубкою черкесская бурка. Такимъ образомъ, при офицерѣ находилось необходимое походное хованство и нѣкоторый запасъ бѣлья и платья. Бурка могла замѣнить постель, а подушка отъ сѣдла, при надобности, шла подъ голову.

Къ полудню того же дня безъ выстрѣла мы легко добрались до

урочища Дылыма и расположились лагеремъ на огромной и ровной полянѣ, сплошь засѣянной непріятельскою кукурузою. Приказано было тотчасъ же вытоптать и скосить всю кукурузу и въ какіе нибудь полчаса времени, все поле было уничтожено. По лагерю вездѣ закурились небольшіе костры и солдатскіе котелки—непретѣнные спутники кавказскихъ солдатъ—со спѣлыми наготками кукурузныхъ головокъ устлали собою окранный костровъ. Два дня простояли мы лагеремъ, почти не видя непріятеля. Показывались, правда, гдѣ нибудь вдали отъ насъ по нѣскольку человѣкъ конныхъ горцевъ на опушкѣ лѣса; но, обыкновенно, постоявъ, потолкують между собою, да и скроются опять.

Наконецъ, вечеромъ 22-го августа, отдано было приказаніе выступить завтра съ разсвѣтомъ на рекогносцировку. Движеніе предполагалось сдѣлать быстрое, безъ палатокъ и налегакъ. Провіанта брали съ собою лишь на два дня.

Глубокая и ясная ночь стояла еще на небѣ, когда я услышалъ шумъ поднимавшихся уже солдатъ. По лагерю раздавались крики фельд-фебелей: «выходить людямъ къ разсчету». Я вышелъ изъ палатки и пошелъ по передней линіи. Кое-гдѣ свѣтились еще костры и солдаты группами стояли вокругъ нихъ, покуривая свои трубочки и ведя игривые разговоры. Въ офицерскихъ палаткахъ, тамъ и сямъ, видѣлись огоньки. Я зашелъ на огонекъ въ палатку къ штабсъ-капитану К—му. Онъ, совсѣмъ уже одѣтый, въ бѣлой фуражкѣ, сидя на барабанѣ, допивалъ свой чай.

— А! да вы тоже съ нами, и уже совсѣмъ готовы! говорилъ онъ, увидя меня. А должно быть придется мнѣ, добавилъ онъ, поздравить васъ завтра по возвращеніи нашемъ назадъ въ лагерь.

— Съ чѣмъ, г. капитанъ.

— Съ обновленіемъ, юный мой. Вѣдь придется же, вѣроятно, покладаться непріятельскимъ пулямъ; такъ бывало на первыхъ порахъ со всѣми нами. Смотрите же, добавилъ онъ мнѣ наставительно, соблюдайте хладнокровіе, хотя бы пришлось видѣть убитыхъ и раненыхъ своихъ. А главное, въ дѣлѣ не думайте о смерти.

У меня ёкнуло сердечко отъ предстоящаго мнѣ обновленія; но я, храбрясь, отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ трусить не буду.

Програла горнисты сборъ и всѣ были на своихъ мѣстахъ. Забѣжавъ въ свою палатку—когда въ пей никого не было—усердно положилъ я на востокъ три земныхъ поклона, поцѣловалъ свой маленький золотой образокъ, надѣтый на меня рукою матери при отправленіи на Кавказъ, и присоединился къ своей ротѣ.

— «Справо по отдѣленіямъ, маршъ!» командовали по-очередно ротные командиры и роты, одна за другою, вытягиваясь впередъ.

Мы не прошли еще и трехъ верстъ, какъ уже показалась зоря, а вѣтъ и солнышко.

Нашъ 4-й батальонъ, составляя авангардъ колонны, шелъ впереди, имѣя справа и слѣва густо разсыпанную по лѣсу цѣпь стрѣлковъ, въ которой находился и я.

Быть въ цѣпи, при движеніи въ лѣсу, крайне неприятно; дороги нѣтъ никакой, да въ добавокъ и сучья хлещутъ по лицу, угрожая выколотъ глаза. Ко всему этому надобно быть до крайности осторожнымъ относительно непріятельскихъ засадъ. Нерѣдко, какъ разсказывали мнѣ, бывали случаи, что горцы, дѣлая такія засады, нападали въ распахъ на цѣпь и рубили по вѣсколку звеньевъ разомъ. При неожиданности и той быстротѣ, съ какою они всегда производили такія внезапныя нападенія, помощь рѣдко достигала своей цѣли.

Мы прошли безъ выстрѣла до укрѣпленія Кишеня и на рѣкѣ Ярыкъ-су расположились бивакомъ. Живое разложили солдаты большіе костры и заварили свое походное кушанье — камалыгу⁽¹⁾. Логовище, конечно, приходилось устраивать себѣ на открытомъ воздухѣ, но это еще небольшое неудобство на Кавказѣ, гдѣ у всякаго офицера имѣется черкесская бурка. Завернувшись въ такую бурку, спать превосходно, а главное, совершенно безопасно отъ скорпионовъ и фалангъ, которые во множествѣ водятся въ пняхъ мѣстахъ Кавказа, но, какъ извѣстно, очень боятся бараньей шерсти и потому бѣгутъ отъ всякой бурки.

Дойдя до Кишеня и обозрѣвъ всю мѣстность отъ Дылыма, мы на другой день съ разсвѣтомъ тронулись назадъ. Теперь приходилось слѣдовать въ обратномъ порядкѣ и потому, составляя арьергардъ, мы замыкали движеніе отряда.

По опыту ли или уже по какому то присущему кавказцамъ чутью, всѣ говорили о неминуемой стычкѣ съ горцами; и, дѣйствительно, собравшаяся сильная партія горцевъ ожидала нашего возвращенія въ очень удобномъ для нихъ мѣстѣ. Но баронъ Врангель черезъ лазутчиковъ уже зналъ о другой незападной непріятельскѣй дорогѣ для нашего отступленія, а потому, пройдя отъ Ауха верстъ шесть, двинулъ авангардъ вправо по новой дорогѣ. Замѣтивъ нашъ маневръ, горцы толпами бросались по лѣсу къ намъ на перерѣзъ и, прикрываясь лѣсомъ, завязали сначала съ авангардною цѣпью новоназначительную перестрѣлку. Непріятельскіе выстрѣлы съ громовымъ раскатомъ раздавались по лѣсу и падали рѣзко отличаясь отъ нашихъ. Продолжая свое движеніе, арьергардъ нашъ

(1) Мелкіе сухари, сваренные въ водѣ съ солонъ.

вышелъ, наконецъ, на небольшую поляну, окруженную густымъ чинаровымъ лѣсомъ. Здѣсь то и посыпался на нашу цѣпь градъ пуль какъ за деревьева лѣса. Надобно сказать, что горцы привыкли обыкновеніе при отступленіи русскихъ наступать болѣе всего на хвостъ колонны, и потому, какъ и всегда, открыли теперь по насъ сильный огонь. Находясь въ правой цѣпи, я слышалъ свистъ сотни непріятельскихъ пуль, и не скрою, на первый разъ, испытывать довольно сильное, тревожащее ощущеніе: мнѣ казалось тогда, что живымъ изъ перестрѣлки я навѣрное не выйду.

Въ отвѣтъ на непріятельскіе выстрѣлы цѣпь наша, съ своей стороны, открыла довольно частый и бѣглый огонь, который, впрочемъ, едва ли былъ дѣйствителенъ, такъ какъ горцы были хорошо приприты. Движеніе продолжалось, но время отъ времени по цѣпи слышались крики, требовавшіе помощи для раненыхъ. Какъ теперь помню, не вдалекѣ отъ меня въ цѣпи ранили въ шею молодого стрѣлка Сущикова. Пуля прошла ему на вылетъ и согнула шею его такъ, что и выдорочивъ потомъ, онъ долго не могъ прямо держать головы. Раненый, Сущиковъ, ли за что не хотѣлъ отдать своего ружья и идти на перевалочный пунктъ, и на всѣ доводы отвѣчалъ, что добдетъ до лагеря самъ. Его взяли, наконецъ, подъ руки и вывели изъ цѣпи.

Полянка, по которой приходилось намъ идти подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, была, впрочемъ, не велика; далѣе былъ спускъ къ небольшому болоту, гдѣ горцамъ обстрѣливать насъ уже было неудобно, а потому выстрѣлы начали мало по малу смолкать.

Стоя на пригоркѣ, нашъ баталіонный командиръ подполковникъ К—евъ замѣтилъ нѣсколько человекъ верховыхъ горцевъ, которые, вѣроятно, слѣдили за нашими отрядами. Онъ приказалъ командиру 4-й стрѣлковой роты вызвать лучшаго стрѣлка къ себѣ.

— Филипчукъ! крикнулъ ротный командиръ, обращаясь къ своимъ людямъ, бывшимъ въ цѣпи.

— Послать Филипчука къ командиру! раздалось по цѣпи и молодой, красивый солдатикъ явился на арену.

— Сколько связали татары? спросилъ, шутя, баталіонный командиръ, обратившись къ Филипчуку.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе. Въ лѣсу не угадаешь: убить или нѣтъ.

— Ну, такъ вотъ, отличись. Покажи вонъ тѣмъ кавалерамъ, которые подъ лѣсомъ, что, молъ, видимъ ихъ.

— Попытать можно, ваше высокоблагородіе, да только далеко. Тутъ,

пожалуй, будетъ болѣе тысячи шаговъ, говорилъ солдатикъ, разставляя свои сошки для стрѣльбы.

Поставивъ ружье въ сошки и припавъ къ землѣ, Филипчукъ приложился, выжидая удобную минуту, когда горы нѣсколько сгруппируются. Наконецъ, выстрѣлъ раздался и видно было, какъ горы засуетились, подхватили одного и быстро скрылись въ лѣсу. Было ясно, что пуля Филипчука сразила на повалъ или сильно ранила одного изъ джигитовъ. Призъ былъ выбитъ. Филипчукъ получилъ отъ подполковника К—ева три рубля серебромъ, а за походъ военный орденъ.

На слѣдующій день, баронъ Врангель посѣтилъ нашихъ раненыхъ, которые лежали въ общей палаткѣ и каждому изъ нихъ облакавъ, приказалъ принести имъ отъ себя чаю и булокъ.

Послѣ двѣтки, мы, 26-го августа, снялись съ позиціи и по старой дорогѣ потянулись обратно въ свою штабъ-квартиру, Буртунай. Горцы, какъ видно, не хотѣли на этотъ разъ пропустить насъ спокойно и, собравшись въ небольшія партіи, въ лѣсу съ правой стороны дороги, выжидали нашего обратнаго движенія.

Мы едва поднялись на небольшой, узкій хребетъ, который тянулся отъ нашей дылынской позиціи до аула Новый-Буртунай и по которому лежалъ нашъ путь, какъ изъ лѣса съ правой стороны опять засвистали пули надъ нашими головами. Кучи хвороста и громады-чинары, сложенные топоромъ нашего солдата, при рубкѣ здѣсь недавней просѣки, давали хорошее закрытіе непріятелю, который, по мѣрѣ нашего движенія, тоже подвигался впередъ, давая знать о себѣ маленькими дымящимъ выстрѣломъ.

Пули начали посвистывать около насъ все чаще и чаще; приказано было открыть пальбу и по всей нашей линіи ватрещали выстрѣлы. Впрочемъ, эта перестрѣлка не принесла намъ особеннаго вреда и мы ограничились потерей ранеными, кажется, двухъ-трехъ чело-вѣкъ нижнихъ чиновъ; за то непріятель, по рассказамъ лазутчиковъ, повесъ въ эти два дня значительныя потери отъ нашихъ новыхъ на-рѣзныхъ ружей.

До самаго Нового-Буртуная горцы преслѣдовали насъ выстрѣлами, но за ауломъ дорога сворачивала влево и шла по открытымъ полянамъ, гдѣ непріятель не рискнулъ насъ преслѣдовать и перестрѣлка, наконецъ, совсѣмъ прекратилась.

Передъ Буртунаемъ (штабъ-квартирою) мы перестроились. Пѣсенники хорошъ затаили свои удачныя пѣсни, и мы, довольные своимъ возвращеніемъ, вошли въ штабъ, приветствуемые полковыми дамами, которыя собрались для встрѣчи насъ на угловой батарее крѣпости.

Въ Буртунаѣ весь отрядъ скоро былъ распущенъ на время по домамъ; намъ же, по недостатку помѣщенія въ казармахъ, пришлось захватить снѣгъ въ пачаткахъ.

Размѣнъ плѣнныхъ.

Въ буртунаевскомъ крѣпостномъ казематѣ содержалось нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ горцевъ, захваченныхъ нами въ разное время и при разныхъ случаяхъ. О размѣнѣ этихъ плѣнныхъ давно уже велись переговоры съ Шамилемъ и, когда все дѣло уладилось, мы съ своей стороны, по условію, должны были отдать 20 человѣкъ горцевъ, вмѣстѣ восьми русскихъ, находившихся въ плѣну у Шамиля. И вотъ, въ ноябрѣ того же 1858 года, въ одинъ изъ пасмурныхъ и холодныхъ дней, 4-й баталіонъ нашего полка, при двухъ орудіяхъ, подъ командою подполковника К—ева долженъ былъ отправиться для этого размѣна. Мѣстомъ для размѣна плѣнныхъ назначена была маленькая рѣчка, протекавшая подъ раззореннымъ ауломъ Новый Буртунаѣ.

Мы выступили изъ крѣпости съ полными боевыми силами, взявъ съ собою и плѣнныхъ горцевъ, которыхъ преобразили въ какихъ то солдатъ, давъ имъ новыя шинели и папахи.

Не дойдя полуверсты до назначенной рѣчки, мы стали на позицію, направивъ свои орудія въ сторону непріятеля. На непріятельской сторонѣ, за рѣкою, никого еще не было видно и долго пришлось намъ ждать, проклиная холодъ и «проклятую татарву», какъ называли солдаты горцевъ, когда показался, наконецъ, верховой татаринъ, во всю прыть скакавшій отъ горы Мичика. Махая намъ своею косматою тавлинскою папашою, чтобы по немъ не стрѣляли, онъ началъ спускаться по дорогѣ въ рѣчку. Мы думали сначала, что это передовой, который ѣдетъ сообщить намъ о прибытіи плѣнныхъ, но скоро пришлось разочароваться. Подѣхавшій къ намъ горецъ, посланный отъ Шамиля, черезъ переводчика объявилъ начальнику колонны, что плѣнные утомились дорогою и останавливались ночевать въ небольшомъ аулѣ, верстахъ въ 15 отъ насъ, и что лишь только завтра въ это время плѣнные могутъ быть здѣсь. Общая досада, что пришлось совершенно даромъ вѣбнуть, ожидая благопріятнаго конца дѣла, выразилась у всѣхъ; но дѣлать было нечего и намъ приходилось ни съ чѣмъ возвращаться домой.

Подполковникъ К—евъ ясно понималъ, что явившійся татаринъ имѣетъ цѣлью высмотрѣть расположеніе и численность нашего отряда, и только лишь подѣ другимъ предлогомъ плѣнные не были приведены на этотъ разъ. А потому, желая пугнуть немного горца, съ серьезнымъ

видомъ объявлялъ ему черезъ переводчика, что за несдержанное Шамилемъ слово, горецъ долженъ отвѣтить и потому остается у насъ въ залогъ и отправится съ нами въ вѣрность. Затѣмъ, обратившись къ солдатамъ, крикнулъ «въ ружье.» Тавлинецъ, не ожидая ничего подобнаго и видя бѣгущихъ съ разныхъ сторонъ солдатъ къ своимъ ружьямъ, воображая, что его хотятъ обезоружить, инстинктивно выхватилъ свою шашку, приготовляясь защищать свою свободу. Дѣло, однако, скоро выяснилось и онъ, нѣсколько сконфуженный, долженъ былъ сложить свою шашку опять въ ножны.

Припугнувъ немножко горца, подполковникъ В—евъ объявлялъ, что отпускаетъ его, но съ условіемъ, чтобы завтра плѣнные были приведены сюда непременно; въ противномъ же случаѣ разѣна не будетъ вовсе.

Къ девяти часамъ утра слѣдующаго дня, на томъ же мѣстѣ, мы расположились въ прежнемъ порядкѣ. Но на этотъ разъ ожидать долго намъ не пришлось, и въ скоромъ времени отъ Мичикскаго ущелья, по хребту Бургунаевской горы, показались со значащи толпы конныхъ жюридовъ, оглашая воздухъ пѣніемъ своей національной пѣсни: «Ля-ллахи-алла!»

Вся масса конныхъ горцевъ остановилась на горѣ противъ насъ, и вскорѣ къ намъ спустился вчерашній парламентаръ для заключенія условій, которыми состояли въ томъ, что какъ мы, такъ и они должны сопровождать плѣнныхъ съ двадцатью человѣками до рѣчки; остальнымъ не трогаться съ мѣста. Условіе это хотя и было принято нами, но опытный въ дѣлахъ съ горцами подполковникъ К—евъ отдалъ приказаніе баталіону и артилеріи быть готовыми ко всякаго рода случайностямъ и, по первому его аяку, тотчасъ же открыть огонь по горцамъ. Нечего и добавлять, что какъ пѣхота, такъ и артилерія никогда не выходила изъ укрѣпленія безъ зарядовъ въ дуло.

Сойдясь вѣстѣ съ нашими на самой рѣчкѣ, плѣнные были сосчитаны и переданы. Освобожденные плѣнники, какъ будто боясь упасть опять къ горцамъ, едва вступили на нашу сторону, какъ, не дожидаясь даже конвои, бѣгомъ бросились къ намъ на гору.

Плѣнниковъ было восемь человѣкъ, большею частію солдатъ, изъ которыхъ нѣкоторые были въ горахъ уже очень давно; въ числѣ плѣнныхъ былъ также грузинскій священникъ, вѣнчанный въ плѣнъ въ 1854 году при вторженіи Шамиля въ Кахетію. Всѣ они до того измѣнили свой вѣншій видъ, что съ трудомъ можно было признать въ нихъ русскихъ. Страшно истомленные и едва прикрытые какими-то рубищемъ, они имѣли жалкій видъ и невольно вселляли глубокое состраданіе въ себѣ. Радость ихъ освобожденія изъ плѣна была

такъ сильна, что, добѣжавъ до насъ, они бросились цѣловать землю и со слезами на глазахъ не переставали благодарить за свое возвращеніе, хотя, конечно, благодарность эта не принадлежала намъ; мы въ этомъ дѣлѣ были лишь только исполнителями высшей власти.

Во все время разбитія никакого безпорядка не произошло, и намъ хорошо видно было, какъ горцы съ участіемъ занимались своими освобожденными.

По окончаніи разбитія, мы возвратились въ крѣпость, а горцы опять втянули свое обычное «Ля-и-лахи-а-ла» и потянулись къ Минчикскому ущелью.

Движеніе въ урочище Касталы.

Роспускомъ садатавскаго отряда, послѣ движенія въ ауховское общество, не окончившись наши экспедиціи въ 1858 году, и въ декабрѣ мѣсяцѣ отрядъ, подъ командою барона Врангеля, снова былъ собранъ въ урочищѣ Касталы, куда нашимъ тремъ баталіонамъ пришлось выступить изъ Буртуная въ первыхъ числахъ декабря.

Цѣль сбора состояла теперь въ томъ, чтобы отвлечь непріятельскія силы отъ главнаго чеченскаго отряда, дѣйствовавшаго въ Большой Чечнѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сжечь непріятельскіе запасы сѣна. Кроме того, расчистить просѣку отъ урочища Касталы до Кишень-ауха.

Походныя движенія зимою на Кавказѣ хотя и имѣютъ ту выгоду, что даютъ возможность отрядамъ болѣе безирепетивно проходить по лѣсамъ, которые безъ листьевъ дѣлаются прозрачными, но за то двигаться по сѣбгамъ и страшнымъ, въ иныхъ мѣстахъ, сугробамъ весьма нелегко.

День выступленія нашихъ баталіоновъ изъ Буртуная былъ, къ счастью, довольно теплый, и мы съ утра тронулись вдоль теренгульскаго оврага, черезъ хубарскія высоты, на аулъ Большой-Зубутъ, брошенный и разворонный самимъ непріятелемъ. Безъ выстрѣла и всякихъ препятствій со стороны горцевъ, безъ дороги и почти ощупью добрались мы къ вечеру до небольшой орѣховой рощицы въ Касталахъ, гдѣ и стали лагеремъ. Расчистивъ сѣгъ, на сколько это было возможно, для разбивки палатокъ, мы такъ и расположились на мерзлой землѣ.

Цѣлая не сдѣлать здѣсь небольшого занятія по поводу того обстоятельства, что сколько не приходилось намъ и впоследствии дѣлать зимнихъ экспедицій къ Чечнѣ и на Кубанью при такихъ же условіяхъ, у насъ большихъ простудю почти никогда не бывало.

По объявленію, тотчасъ по устройствѣ нашего лагеря, всѣ принялись за костры. Солдаты на Кавказѣ не имѣли особенной склонности оцѣни-

вать прекрасныхъ проявленій природы: жаль было глядѣть, какъ толстыя, превосходящія орѣховыя деревья нашей рощицы валялись подъ ихъ топорами. Впрочемъ, баронъ Врангель, въ высшей степени добрый и гуманный человѣкъ, былъ крайне недоволенъ истребленіемъ орѣха, когда подъ рукой былъ чпнаръ, и по прибытіи своемъ къ отряду тотчасъ же строго запретилъ рубку орѣховыхъ деревьевъ.

Съ слѣдующаго же дня отрядъ нашъ принялся за рубку лѣса, который, какъ я сказывалъ уже, начинался отъ самой нашей позиціи, и ежедневно по четыре батальона отправлялись на расчищенію новой простѣи.

Переходя цѣлымъ отрядомъ съ позиціи на позицію въ продолженіе десяти дней, мы, почти нетревожимые непріятелемъ, расчистили новый путь къ Кишень-ауху. Наконецъ, назначена была войскамъ нашимъ рекогносцировка, причемъ отдало было приказаніе сжечь непріятельскіе запасы сѣна.

Цѣлый день, по колѣно въ снѣгу, при довольно ощутительномъ холодѣ, мы быстрымъ маршемъ переходили по равнымъ направленіямъ, слѣдуя указанію нашихъ лавутчиковъ, причемъ путь нашъ обозначался огромными столбами дыма, встававшими почти всю окрестность.

Снѣжная зима, обнаженные лѣса и дѣйствіе отряда въ Чечнѣ, куда, главнымъ образомъ, отолежены были непріятельскія силы, дали намъ возможность почти безаказанно исполнять порученіе, причемъ вся наша потеря въ людяхъ ограничивалась, кажется, однимъ или двумя ранеными въ небольшой перестрѣлкѣ, да нѣсколькими ушибленными отъ паденія деревьевъ при рубкѣ лѣса.

Такимъ образомъ, въ продолженіе десяти дней непріятельское сѣно, оставшееся еще на полянахъ, было нами уничтожено; простѣя расчищена и 18-го декабря мы были уже на пути въ Буртуану.

Этою послѣднею экспедиціею въ 1858 году кончились дѣйствія саваттаскаго отряда, который самъ повесѣ сравнительно небольшія потери; во выступилъ 1859 годъ, годъ замѣчательный въ лѣтописяхъ войны на восточномъ Кавказѣ.

Перновскаго полка штабсъ-капитанъ Аноевъ.

(Продолженіе будетъ).

ВОСПОМНЕНИЯ О БОЕВОЙ СЛУЖБѢ НА КАВКАЗѢ.

II (*).

Ичкеринскій походъ въ 1859 году.

Сборы и движеніе Дагестанскаго отряда въ Ичкерію.

Весело и шумно проводили мы въ своемъ штабѣ масляницу въ 1859 году. Всѣ знали уже на первой недѣли поста, что выступить наши три баталіона въ походъ въ Ичкерію, столь памятную русскимъ по событіямъ 1845 года.

Походы въ горы и сопряженные съ ними тяжелые труды и разнаго рода лишенія, которыя намъ приходилось подчасъ нести въ нашей кавказской войнѣ, не только не пугали никого, но, напротивъ, всякій походъ имѣлъ для насъ свою неотъемлемую прелесть. Послѣ долгой и скучной стоянки по крѣпостямъ и мирнымъ ауламъ, вѣсть о походѣ, да еще весною, когда природа Кавказа вообще становится хороша, производила во всѣхъ насъ неподдѣльную радость, такъ что на лицахъ оставшихся была даже замѣтна вѣкотораго рода зависть, съ какою смотрѣли они на сборы наши въ походъ, и кому можно было, всякій старался о прикомандированіи къ дѣйствующимъ частямъ.

Днемъ выступленія нашихъ баталіоновъ изъ штаба было назначено 25-е февраля. Въ природѣ замѣчалась уже большая перемена, и наша суровая буртугаевская зима, исчезающая съ каждымъ днемъ, давала намъ надежду освободиться скоро и отъ снѣга, и отъ шубъ.

Предстоящій походъ въ Ичкерію долженъ былъ, какъ ожидали, затянуться надолго, и потому шли большія приготовленія: роты сушили сухари, запасались обувью; офицеры снаряжали себѣ вьюки и подкармливали лошадей.

Въ назначенный для выступленія день, еще до зари, солдаты въ боевомъ снаряженіи начали швырять по улицамъ форштата, кто по служебнымъ, а кто, просто, по своимъ, преимущественно, сердечнымъ дѣламъ.

Отслуживъ напутственный молебень, мы тронулись по дорогѣ къ Евгеньевскому укрѣпленію, имѣя на этотъ разъ при себѣ, кромѣ вьючнаго, и колесный обозъ.

(*) См. «Воев. Сборн.» 1877 г. № 4.

Послѣ полудня мы спустились къ Евгеньевскому и расположились лагеремъ на большой площадкѣ въ новомъ аулѣ Чиркей подлѣ самыхъ крѣпостныхъ стѣнъ. Толпы чиркеевцевъ окружили насъ и вывѣдывали, куда мы идемъ, но получили въ объясненіе немного, потому что и сами-то мы не совсѣмъ вѣрно знали о главной цѣли нашего движенія.

Переночевавъ въ Евгеньевскомъ, мы потянулись къ Чиръ-юрту. Сорокаверстный переходъ, по страшной грязи, утомилъ насъ до крайности, и выступя до разсвѣта изъ Евгеньевского, мы едва лишь только къ ночи могли добраться до Чиръ-юрта, гдѣ въ то время расположены были штабы двухъ драгунскихъ полковъ. Обѣ обоевъ, т. е. палаткахъ и нашихъ вещахъ, нечего было и думать; грязная дорога задержала насъ нашъ обозъ на столько, что ранѣе другого дня ожидать его было пельая. Приходилось располагаться на грязи не ѣвши, да еще въдобавокъ подъ сѣрымъ небомъ, изъ котораго, того и гляди, сыпнеть свѣтомъ или дождемъ. Однако, нѣкоторые изъ старыхъ офицеровъ, успѣвшихъ взять собственные выюки впередъ, скоро примостились за походными закусками, и при свѣтѣ стеариновыхъ огарковъ грѣлись горячимъ чаемъ, считавшемся въ такихъ случаяхъ за величайшее земное благо. Молодые офицеры пользовались приглашеніемъ владѣтелей самоваровъ, съ нетерпѣніемъ ожидая своей очереди.

На другой день по маршруту баталіонамъ нашимъ приходилось дѣлать здѣсь дневку, что было очень кстати, потому что солдаты были сильно утомлены переходомъ изъ Евгеньевского, а между тѣмъ предстояло сдѣлать около тридцати верстъ до укрѣпленія Хасавъ-юрта по еще болѣе топкой и скверной дорогѣ.

Теплая, ясная погода на другой день распустила окончательно землю, такъ что переходъ приходилось совершать по жирной черноземной грязи, гдѣ ноги при движеніи скользили назадъ и укорачивали нашъ шагъ. Тяжело и медленно тащились мы къ Хасавъ-юрту и лишь далеко за полдень добрались до крѣпости, гдѣ и расположились лагеремъ на ночь.

Во время пребыванія нашего въ лагерѣ при Хасавъ-юртѣ къ намъ присоединились: 21-й стрѣлковый баталіонъ, баталіоны Апшеронскаго полка, драгуны, милиція и артиллерія. Составившійся такимъ образомъ отрядъ долженъ былъ выступить въ горы и, пройдя ауховское общество, вторгнуться въ Ичкерію.

1-го марта весь отрядъ выступилъ на Кишень-Аухъ и, повернувъ отъ Кишени по дорогѣ вправо, къ двумъ часамъ пополудни уже расположился лагеремъ на небольшихъ высотахъ. Нашъ 4-й баталіонъ, еще не добдя до мѣста позиціи, получилъ приказаше занять по-ротню пикеты кругомъ лагеря, куда мы и направились.

На долю нашу теперь выпало поголодать и притомъ провести остатокъ дня и ночь, не раздѣваясь, конечно, на открытомъ мѣстѣ, потому что ни палатокъ, ни даже выюковъ намъ не дали; рассчитывать же на снѣгу ранѣе слѣдующаго дня было нечего, и потому по занятіи нами пикета я, полагая возможнымъ вернуться еще засвѣтло, рѣшился отправиться тотчасъ же въ большой лагерь, палатки котораго бѣлѣлись на высотахъ — верстахъ въ двухъ отъ насъ, надѣясь отыскать тамъ своего дядю, подполковника К-ева, у котораго можно было удобно и отдохнуть, и найти что нибудь перекусить.

Вся мѣстность занятой нами позиціи была пересѣчена по разнымъ направленіямъ балками и оврагамъ, въ которыхъ мѣстами лежалъ еще глубокий снѣгъ. Спускаясь съ горы пикета въ балку надобно было идти безъ всякихъ тропинокъ на угадъ къ лагерю, и потому мнѣ пришлось пропутать по этимъ оврагамъ, пока, наконецъ, я не встрѣтилъ случайно одного нашего фурштата, который, показавъ мнѣ на верхушку одной горы, объяснилъ при этомъ, гдѣ стоялъ нашъ полковой штабъ.

Высоко и по большой крутизнѣ пришлось мнѣ карабкаться къ палаткамъ, но за то, добравшись, наконецъ, до своего дяди, я былъ вознагражденъ за трудъ путешествія горячимъ чаемъ и вкуснымъ походнымъ обѣдомъ.

Вскорѣ, однако, не долгій мартовскій день сталъ клониться уже къ вечеру, а мнѣ предстояло возвращаться еще по оврагамъ и балкамъ на пикетъ, и потому я собрался въ обратный путь.

Осмотрѣвъ хорошенько затравочный стержень и капсулю, я перекинулъ ружье черезъ плечо и началъ спускаться изъ лагеря при наступившихъ уже сумеркахъ.

Задумчиво и увѣренный, что знаю дорогу къ пикету, я, однако, безъ разбора и осторожности шелъ по взятому мною изъ лагеря направленію, и скорѣ спустился къ какому-то лѣсному оврагу, откуда лагерный шумъ пересталъ уже доноситься до меня. Совершенная тишина кругомъ и быстро приближающаяся темнота ночи заставили меня, однако, скоро призадуматься, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не попасть въ руки непріятеля, потому что я, очевидно, шелъ не туда и могъ сбиться съ дороги. Я думалъ даже возвратиться въ лагерь, чтобы остаться тамъ или взять проводника, какъ вдругъ въ это время татарскій голосъ откуда-то сверху заставилъ меня невольно подрогнуть.

— Эй! кунакъ!—куда айда (!)? кричалъ мнѣ кто-то съ горы.

Я взглянулъ на верхъ и увидѣлъ кучку горцевъ, стоявшихъ

(!) Эй, приятель! куда идешь?

и лежавшихъ на курганѣ, которые не трогаясь съ мѣста, съ любопытствомъ смотрѣли на меня.

«Ну, теперь пропадѣ», мелькнуло въ моемъ настроенномъ воображеніи. Кругомъ своихъ нѣтъ никого, а нѣсколько человѣкъ, и полагая, что попался въ руки чеченцевъ, я инстинктивно схватился за оружіе, намѣреваясь, въ случаѣ угрожавшаго мнѣ плѣна, защищать себя оружіемъ на сколько будетъ возможно.

— Тамъ шайтанъ сидитъ, твоя уруби (!).

Это предупрежденіе горца меня остановило, и, рассмотрѣвъ хорошенько, я узналъ въ нихъ по краснымъ башлыкамъ татаръ, нашихъ милиціонеровъ, которые, какъ оказалось, стояли на передовомъ пикетѣ.

Я вскарабкался на курганъ къ татарскому пикету и объяснилъ милиціонерамъ, какъ могъ, что иду на солдатскій пикетъ.

— Садусъ сидитъ тамъ (?), объяснилъ мнѣ одинъ милиціонеръ, указавъ на огонь пикета, вправо мелькавшій на горѣ.

— Чехъ саулъ (?), поблагодарилъ я татарина, и обрадованный тѣмъ, что нахожусь внѣ опасности, почти бѣгомъ бросился на нашъ пикетный огонь.

— Что за охота вамъ была, юный мой, идти пѣзъ лагеря на пикетъ такъ поздно? Вѣдь здѣсь очень опасно, говорилъ мнѣ мой ротный командиръ, лежа на буркѣ передъ ярко-горѣвшимъ костромъ, когда я подошелъ къ своимъ.

Я рассказывалъ ему бывшій со мной случай и опасность, которой подвергалъ себя, зайдя слишкомъ далеко за милиціонерскій пикетъ.

— И очень легко могли попасть въ руки чеченцамъ. Они назѣрное швыряютъ теперь партіи около нашего лагеря и ищутъ себя пожны. Эти чкерицы,—скажу вамъ, очень ловкій и смѣлый народъ,—доказывали уже не разъ намъ какъ умѣютъ пользоваться всякими случаями и нашею неосторожностью, добавилъ опытный кавказецъ-капитанъ, примащивая себя подъ голову скрутку и запутываясь своимъ теплымъ пальто.

Я вполне согласился съ моимъ капитаномъ, давъ себѣ слово на будущее время не рисковать безъ надобности.

Я расположился, не раздѣваясь, конечно, на припекѣ костра, лежать около котораго было превосходно, и тепло, и свѣтло. Но этимъ бивачнымъ комфортомъ мы пользовались не долго, потому что къ намъ вскорѣ явился пѣзъ большаго лагеря милиціонеръ, съ приказаніемъ отъ началь-

(!) Такъ злой человѣкъ находится, тебя убить.

(?) Солдаты стоятъ тамъ.

(*) Очень благодаренъ.

ника отряда барона Врангеля потушить на пикетѣ огонь, на предосторожности не привлечь на себя ночью горцевъ, которые очень искусно умѣютъ подползать къ пикетамъ и метя прямо на огонь подчасъ подстрѣлывать людей.

На другой день рано утромъ насъ смѣнили ротой Апшеронскаго полка и мы присоединились къ отряду.

Дождливый и холодный слѣдующій затѣмъ день заставилъ насъ почти не выходить изъ палатокъ.

Набѣгъ.

Однажды, вечеромъ, въ палаткѣ моего дяди собралось нѣсколько чело-
вѣкъ офицеровъ и уѣстившись кто на постели, а кто на барабанѣ,
вели оживленную бесѣду о своемъ прошломъ.

Уже было за полночь, какъ вдругъ поспѣшно вошелъ къ намъ въ палатку адъютантъ моего дяди, подпоручикъ Лаворко, по лицу котораго можно было сейчасъ же отгадать, что онъ намѣренъ сообщить намъ что-то интересное.

— Сергѣй Александровичъ, обратился онъ къ моему дядѣ, получивъ сейчасъ приказаніе отъ начальника отряда: завтра въ пять часовъ утра намъ выступить въ набѣгъ.

Хорошая вѣсть. Офицеры отъ удовольствія хлопнули въ ладоши и, поторопившись, поспѣшли разойтись, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія на завтрашній день, такъ какъ было уже довольно поздно.

Описывая набѣгъ нашъ, надобно при этомъ сказать, что на Кавказѣ движенія эти дѣлались всегда незначай и большею частію небольшими и легкими отрядами. Обыкновенная цѣль набѣга заключалась преимущественно въ томъ, чтобы напасть на непріятельскій аулъ, что называется враслохъ, разорить, сжечь его, или отогнать скотъ, о количествѣ и мѣстѣ нахожденія котораго предварительно собирались вѣрнѣйшія свѣдѣнія отъ лазутчиковъ.

Не всякій, конечно, такой набѣгъ обходился намъ дешево, и войскамъ подчасъ приходилось платить дань за свои иногда очень смѣлыя предпріятія, отчего со словомъ «въ набѣгъ» ожидалась у насъ всегда какаянибудь стычка съ горцами.

Для набѣга обыкновенно выбирались люди здоровые, сильные и выносливые. Передъ выступленіемъ ротные командиры предупреждали своихъ людей, что всякій отставшій или даже заболѣвшій дорогою будетъ оставленъ на произволъ судьбы и потому слабые люди остаются въ лагерѣ.

При обыкновенномъ военномъ движеніи, въ трудныхъ переходахъ, всякій отставшій и слабый подбирался особо назначеннымъ для того людьми, которые берутъ на себя его вещи, а самого ведутъ иногда подъ руки, если нѣтъ свободной лошади, но въ набѣгѣ, гдѣ успѣхъ предприятия всегда зависитъ главнымъ образомъ отъ быстроты движенія, — этого уже сдѣлать невозможно и потому тутъ уже всякій отвѣчаетъ самъ за себя.

На утро, 5-го марта, едва лишь показалась заря, дядя мой уже началъ расталкивать меня, не смотря на мой сладкій беззаботный сонъ.

Онъ былъ уже въ походныхъ сапогахъ и сидя на кровати съ своей вѣнчанной коротенькой трубочкой во рту торопилъ меня скорѣе одѣваться. Я успѣлъ, однако, наскоро хлѣбнуть нѣсколько глотковъ чаю и на всякій случай набить свои карманы солдатскими сухарями.

Въ пять часовъ утра роты стояли уже около своихъ палатокъ и вслѣдъ за авангардомъ, который составлялъ 21-й стрѣлковый баталіонъ, быстро начали спускаться въ лѣсистую балку.

Аулъ Гасанъ-Бекъ-Кентъ, на который баронъ Врангель предпринялъ набѣгъ съ цѣлью сжечь его и такимъ образомъ отгнать горцевъ дальше, находился на правомъ берегу рѣки Ярыкъ-су. Селеніе расположено было на небольшой, покрытой лѣсомъ, терасѣ, которая, выдаваясь мысомъ къ рѣкѣ, примыкала съ западной стороны къ лѣсистымъ горамъ, а съ двухъ боковыхъ сторонъ имѣла глубокія балки съ крутыми обрывистыми скатами. Отъ аула къ самой рѣкѣ шелъ довольно пологій спускъ, по которому зигзагами пролегла узкая дорога.

Безостановочно и бѣгомъ мы прошли около восьми верстъ и спустились, наконецъ, къ рѣкѣ Ярыкъ-су.

Вслѣдствіе весенняго разлива Ярыкъ-су тогда имѣла довольно высокую воду и по ея быстротѣ перейти въ бродъ можно было не иначе, какъ только цѣлою сплошною массою людей. Начальникъ отряда приказалъ пустить въ переправу сначала конныхъ милиціонеровъ, и когда оказалось, что вода въ самомъ глубокомъ мѣстѣ доходила лишь до пояса, то рѣшено было сдѣлать тутъ переправу. Бывшая съ нами горная артиллерія въ одну минуту положила орудія на вышки и двинулась къ воде, а вслѣдъ за ней и мы.

Не снимая обуви, солдаты цѣлыми шеренгами, взявшись за руки, начали переправу. Хотя быстрый напоръ воды и тутъ сдвигалъ насъ со взятаго направленія, однако мы переправились благополучно и вся наша потеря при переправѣ заключалась въ нѣсколькихъ ружьяхъ, которые были упущены.

Перейдя Лрынь-су, намъ оставалось только подняться на гору, чтобы достигнуть до аула. Авангардъ, взобравшись быстро на верхъ и встрѣтивъ тамъ толпу горцевъ, асѣвшихъ въ сакляхъ за деревьями, открылъ перестрѣлку. Три роты нашего баталіона и заводъ горной артилеріи въ то же время получили приказаніе занять лѣвую сторону оврага, чтобы дѣйствіемъ наръзанныхъ ружей и гранатами обстрѣливать непріятеля во флангъ.

Завинувъ гребень вдоль оврага, наша 4-я стрѣлковая рота разсыпалась сейчасъ же въ цѣпь, ожидая только того момента, когда ей нужно будетъ пустить свинцовый градъ въ аулъ.

Однако, надобно замѣтить, что какъ ни поспѣшно и какъ ни неожиданно наступали мы къ аулу Гасанъ-Бегу, а непріятель успѣлъ-таки до нашего еще прихода угнать изъ аула весь свой скотъ и уже вывезти кое-что изъ своего имущества, отчего, недолго удерживаясь, онъ въ скоромъ времени отступилъ въ лѣсъ.

Преслѣдованіе продолжалось и по лѣсу, а аулъ между тѣмъ уже вспыхнулъ.

Съ добрый часъ мы лежали на своей горѣ безъ всякаго дѣла, наблюдая, какъ погибалъ аулъ Гасанъ-Бекъ. Наконецъ, по вѣву выстрѣловъ, которые начали раздаваться все ближе и ближе, можно было опредѣлить, что началось отступленіе колонны. Дѣйствительно, въ аулѣ вскорѣ показались солдаты, гнавшіе отбитый въ лѣсу скотъ, а вслѣдъ за тѣмъ и отступавшія роты, отстрѣливаясь отъ преслѣдовавшихъ горцевъ.

Съ нашей позиціи, которая нѣсколько командовала ауломъ, хорошо видно было все, что происходило въ немъ. Намъ было видно, какъ милиція и драгуны, отступавшіе въ хвостъ колонны, очень ловко пользовались всякими мѣстными закрытіями, а разсыпавшіеся по аулу солдаты шаржи по горѣвшимъ саклямъ въ надеждѣ захватить что придется.

Деревянные сакельи аула, пожираемые пламенемъ, трещали и быстро падали на землю; оставленные горцами собаки съ воемъ и лаемъ бѣжали по аулу; къ тому еще крики солдатъ, ругательства горцевъ, какъ тѣни мелькавшихъ за саклями, громъ выстрѣловъ, стоны раненыхъ—все это мѣшалось въ одинъ какой-то неясный своеобразный гулъ.

Захвативъ лѣвинныя часть горцевъ и порядочное количество скота, колонна отступила, а мы все еще оставались на своемъ мѣстѣ. Командовавшій нашею лѣвою колонною, подполковникъ К—въ, ждалъ совершеннаго отступленія нашихъ войскъ, чтобы дать преслѣдующему непріятелю войти въ аулъ, и какъ только онъ показался тамъ въ массахъ онъ приказалъ открыть огонь. Горцы остановились, не рискуя преслѣдовать русскихъ дальше.

Подъ прикрытіемъ нашей колонны, отрядъ началъ переправляться на другую сторону рѣки, но непріятель уже болѣе не тревожилъ насъ и даже не показывался изъ лѣса. Препятствія порядкомъ перебрались мы опять на свою сторону и, соединясь всѣ вмѣстѣ, тронулись въ обратный путь.

Пока отрядъ нашъ еще стягивался, я увидѣлъ нѣсколько въ строю отъ насъ кучку горцевъ съ женщинами и дѣтьми, окруженныхъ конвоемъ солдатъ,—это были пѣнные изъ аула. Бѣдняки эти, надобно полагать, не имѣли возможности уйти заблаговременно отъ русскихъ и должны были отдаться въ наши руки.

Около одного небольшого подъема, гдѣ дорога значительно суживалась, намъ пришлось остановиться, чтобы дать пробѣжать впередъ драгунамъ, которые, оставши сзади, теперь обгоняли насъ. У многихъ къ сѣдламъ были привязаны мѣшечки съ равною добычею изъ аула, а у одного молодца мы замѣтили, что на колѣняхъ сидѣла маленькая дѣвочка-чеченка, вся закутанная въ какія-то лохмотья. Капитанъ К. поинтересовался узнать отъ драгуна, куда везетъ онъ малютку.

— Да вотъ, ваше благородіе, отца этой дѣвочки, говорилъ драгунъ, остановивъ своего коня передъ нѣмъ,—наши молодцы убили въ саклѣ, а дѣвочку эту я взялъ себѣ. Дѣтьми Господь Богъ не благословилъ насъ со старухою моею, такъ хочу воспитать сиротку, добавилъ добрякъ-солдатъ и, примостивъ поудобнѣе свою маленькую пѣнницу на сѣдлѣ, тронулъ лошадь рысью, чтобы догнать эскадронъ.

Какъ водилось у насъ тогда, войска, бывшіе въ набѣгѣ, получили по обыку на роту, а за труды по лишней чаркѣ спирту. Костры скоро запырдились котелками съ разными похлебками, и кое-гдѣ за офицерскими палатками уже кипѣли на угляхъ шашлыки—блюдо, весьма уважаемое на Кавказѣ.

На утро, 8-го марта, мы продолжали наше движеніе вдоль лѣваго берега вверхъ по Яманъ-су. День насталъ опять такой же ясный, но на этотъ разъ мы не прошли еще, кажется, пяти верстъ, какъ впереди уже послышались выстрѣлы. Это начинали Апшеронцы, которые, составляя авангардъ нашего отряда, заняли позицію на Яманъ-су, какъ разъ противъ большаго чеченскаго аула Баши-юрта и завязали перестрѣлку съ взошедшими въ немъ чеченцами.

Нашъ баталіонъ слѣдовалъ въ арьергардѣ и двигался по дурной и узкой дорогѣ съ большими остановками, такъ что собственно намъ поспѣвать въ дѣло было трудно.

Однако, чѣмъ ближе подвигались мы къ аулу, тѣмъ все болѣе и болѣе разгоралась перестрѣлка у Апшеронцевъ, и когда мы, наконецъ,

вышли на площадку, аулъ Баши-юртъ былъ уже взятъ нашими и огромные столбы дыма высоко взвивались надъ селеніемъ.

По разоревіи войсками аула Баши-юртъ непріятель отступилъ в отрядъ нашъ занялъ лагерьмъ противоположную сторону рѣки, гдѣ и расположились Апшеронскіе баталіоны.

При аулѣ Баши-юртъ мы устроились въ нѣсколько дней прочнымъ, укрѣпленнымъ лагерьмъ, въ которомъ при дальнѣйшемъ движеніи отряда предположено было оставить вагенбургъ для склада провіанта и фуража, и потому съ слѣдующаго же дня у насъ приступлено было къ расчисткѣ мѣстности кругомъ лагерьа, по обѣ стороны рѣки Яманъ-су. Для обезпеченія же отряда съ тыла отъ высотъ съ правой стороны которыя, примыкая къ лагерью, командовали надъ нашею позиціею, возвели на горѣ небольшой земляной редутъ, который и занятъ былъ по столбцу одною ротой посмѣнно.

Черезъ три, четыре дня нашей позиціи нельзя было уже узнать кругомъ было все вырублено и только лишь обгорѣлые пни, да валявшіеся въ безпорядкѣ огромные чинары свидѣтельствовали о существовавшемъ здѣсь дремучемъ лѣсѣ.

Дѣло 14-го марта.

Всю недѣлю отрядъ нашъ стоялъ на той же позиціи при Яманъ-су. Изъ лагерьа, который укрѣпили въ это время валомъ и обнесли по реу колючкою, баталіоны ежедневно ходили на рубку лѣса, о которой мы длиннее считаемъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Работа эта обыкновенно совершается такъ: по приходѣ на мѣсто занимаютъ сперва нѣвѣстный районъ для рубки, который и окружаютъ пѣхотною цѣпью, а въ мѣстахъ болѣе опасныхъ ставятъ орудія съ прикрытіемъ. Кончилась разстановка цѣпи, — подается отъ начальнаго колонны сигналъ начинать работу; по лѣсу раздается стукъ солдатскихъ топоровъ, а вскорѣ зазвѣтъ со страшнымъ шумомъ и трескомъ начинаютъ валиться гиганты. Тутъ обыкновенно всякій слѣдитъ за окружающими его деревьями, а сучья какагонибудь падающаго, далеко издавъ вѣтвистаго чинара могутъ въ то же время пригнуть неопытнаго или неслыхавшаго предупредительнаго крика, къ землѣ, на вѣки. Я помню хорошо случаи, когда на одной изъ такихъ рубокъ лѣса, не замѣтивъ паденія дерева, я попался подъ сучья упавшаго огромнаго чинара и счастливо избѣгъ неминуемой смерти лишь только потому, что въ-время успѣлъ отскочить отъ большаго сука и былъ накрытъ одними свѣжими, молодыми вѣтвями.

14-го парта предположено было, оставивъ въ нашемъ укрѣпленномъ лагерѣ вагенбургъ и часть отряда для гарнизона, остальными силами двинуться далѣе вверхъ по Яманъ-су.

Переходъ до новой позиціи должны были мы сдѣлать небольшой, но переходъ этотъ надолго останется въ моей памяти, такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ связано воспоминаніе о первомъ серьезномъ дѣлѣ, въ которомъ мнѣ пришлось участвовать.

Еще не начинало разсвѣтать, и отъ нависшихъ густыхъ облаковъ ночь стояла очень темная, мы, снявъ палатки и уложивъ все во въюки, были готовы къ движенію. Ярko пылавшіе костры, на которые солдатами уходя обыкновенно свосится все, что не берется съ собою, багровымъ варевомъ отражались на темномъ сводѣ пасмурнаго неба и освѣщали кучки солдатъ, густыми массами тѣснившихся вокругъ огней, шумно толковавшихъ о предстоящемъ движеніи и о «проклятомъ *муруль*» (мюридѣ), какъ называютъ они горцевъ вообще.

Но вотъ въ пять часовъ утра авангардъ нашего отряда по узкой дорогѣ потянулся изъ лагеря и сталъ подыматься къ нашему редуту; за авангардомъ слѣдовали орудія и лошади, а за ними нашъ четвертый баталіонъ, составлявшій аріергардъ.

Поднявшись къ редуту, откуда дорога, нависаясь, безпрестанно то ирпаво, то влѣво шла по косогору, мы пошли лѣсомъ и вскоре достигли маленькаго пустаго аула, расположеннаго въ самомъ лѣсу. За ауломъ мы бѣгомъ спустились на только что вспаханную жителями поляну, на которой авангардная цѣпь наша уже завязала перестрѣлку съ горцами. Здѣсь приказано было двумъ ротамъ нашего баталіона рассыпаться въ лѣвую цѣпь, и пока весь отрядъ, подвигавшійся впередъ очень медленно по лѣсной дорогѣ, продолжалъ еще движеніе по полянѣ, мы залегли за бугорками передъ лѣсомъ, завязавъ, въ свою очередь, перестрѣлку съ чеченцами, которые по одиночкѣ показывались за деревьями. Съ особеннымъ любопытствомъ наблюдалъ я за ловкостью и зачѣтательнымъ проворствомъ горцевъ, которые очень искусно умѣли пользоваться всякаго рода закрытіями: пенекъ, дерево, небольшой бугорокъ—все служило горцу хорошею защитою отъ нашихъ пуль, и часто приходилось видѣть, что, сдѣлавъ изъ своей засады выстрѣлъ, онъ въ тотъ же мигъ исчезалъ оттуда. Наши солдаты, въ особенности молодые, имѣютъ обыкновеніе стрѣлять по лѣсу не видя непріятеля—на одинъ показавшійся отъ выстрѣла дымокъ, но уловить въ такомъ случаѣ горца бываетъ трудно, и надобно сознаться, что въ этомъ отношеніи они всегда имѣли передъ нами неоспоримое превосходство.

Около полудня мы тутъ за бугорками, занятыя незначи-

тельною перестрѣлкою, и имѣли въ своей цѣпи легко раненымъ только одного солдата. Наконецъ послѣдшіе изъ отряда начали подниматься съ поляны на гору и намъ дали сигналъ движенья. Мы поднялись. Выстрѣлы изъ лѣса зашелкали теперь чаще; но, перебѣжавъ поляну и скрывшись въ лѣсу, мы были скоро уже въ выстрѣлѣ, и прикинувшись опить къ своему баталіону, стали подниматься на гору, покрытую густымъ мелкимъ лѣсомъ, идти по которому стрѣлковой цѣпи было не легко.

Еще съ поляны, на которой мы перестрѣлывались съ горцами, слышны были въ нашемъ авангардѣ выстрѣлы изъ орудій и частая ружейная стрѣльба, которые громкимъ, тяжелымъ эхомъ раздавались по горамъ и лѣсу. Обстоятельство это заставляло предполагать, что впереди предстоитъ еще намъ болѣе или менѣе серьезная стычка съ горцами.

Поднимаясь по горѣ, баталіонъ нашъ тянулся въ одиночку по узкой лѣсной дорогѣ, такъ что цѣпь едва даже могла его прикрывать, почему не доходя еще вершины мы были на минуту пріостановлены, чтобы сомкнуть ряды плотнѣе, и дать вмѣстѣ съ тѣмъ солдатамъ нѣсколько опривиться.

— Помни, братцы; безъ суеты въ дѣлѣ, даромъ патрона не выпускать, говорилъ намъ ротный командиръ, протискиваясь по рядамъ солдатъ, чтобы сдѣлать свое послѣднее внушеніе.

Баталіонъ наконецъ дошелъ. Въ рядахъ не стало ни шума, ни говору, солдаты крестились снимая папахи, а иные въ полголоса проносили горячія слова молитвы.

Не то тоскливо, не то жутко какъ-то сдѣлалось и мнѣ при ожиданіи серьезнаго дѣла. Что-то будетъ, и останусь ли живъ! мелькнуло у меня; но я былъ тогда фаталистомъ и потому твердо полагался на всея на судьбу свою.

Поднявшись всея на гору, мы вышли изъ лѣсу на довольно обширную поляну, на которой нашъ 1-й баталіонъ, разсыпавъ цѣпь, велъ огонь противъ непріятеля, скрывшагося въ лѣсу. Тутъ же на небольшомъ возвышеніи стояла артиллерія и громила своими выстрѣлами опушку. Изъ лѣсу въ отвѣтъ на наши выстрѣлы, время отъ времени показывались маленькіе дымки, но непріятеля скрывавшагося тамъ видно не было, такъ что и опредѣлить хотя приблизительно его числа—было нельзя.

Отряду предстояло идти по этой обширной полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ частымъ лѣсомъ, и вступить въ лѣсъ, въ которомъ скрывалась, какъ говорили, сильная партія чеченцевъ, рѣшившихся, пови-

дному, если не перестѣчь намъ дальнѣйшій путь, то во всякомъ случаѣ порядкомъ пощипать русскихъ. Почему начальникъ отряда, стаянувъ изъ поиска къ полямъ, намѣренъ былъ попробовать отгнать горцевъ, а если бы этого не удалось, то и дать бой, пользуясь относительно выгоднѣйшею позиціею, которую мы могли тутъ занять. Вслѣдствіе такого рѣшенія бояска были остановлены, выйдя изъ лѣса на верхъ горы, и поставлены фронтомъ къ опушкѣ его.

Спустя короткое время непріятельскіе выстрѣлы начали утихать. Изъ глубины лѣса слышны были крики женщинъ и визгъ дѣтей; очевидно, что чеченскія семейства изъ брошенныхъ ауловъ находились тутъ подъ прикрытіемъ мюридовъ.

Горцы, боясь за свои семейства, о присутствіи въ лѣсу которыхъ намъ было извѣстно черезъ лазутчиковъ, и не желая отдавать ихъ русскимъ въ плѣнъ, начали дѣйствовать рѣшительно. Къ тому же огонь нашей батареи, дѣйствовавшей такъ сильно на первыхъ порахъ, началъ значительно ослабѣвать, что дозволило горцамъ показаться изъ лѣсу и поддерживать сильный ружейный огонь противъ нашей цѣпи, которую, впрочемъ, начальникъ отряда тотчасъ велѣлъ усилить двумя ротами отъ 4-го баталіона; наши 13-я и 14-я роты были посланы туда въ подкрѣпленіе.

Слѣдуя въ арьергардѣ колонны и повернутые фронтомъ къ лѣсу, мы составляли правый флангъ нашей боевой линіи. Чеченцы наступали на флангъ нашъ съ особенною силою и отвагою. Конные и пѣшіе съ крикомъ и бравью являлись кучками изъ лѣсу и не обращая вниманія на выстрѣлы не разъ пытались броситься въ шашки на цѣпь, но всегда были отражаемы нашими штыками. Объ отступленіи изъ лѣса, который мы заняли цѣпью, въ виду скопившейся массы горцевъ намъ уже нельзя было и думать, не рискуя повести тутъ значительный уронъ въ людяхъ, и потому надобно было отгнать горцевъ далѣе изъ лѣса и тѣмъ хотя до нѣкоторой степени обезпечить дальнѣйшее наше наступленіе.

Второй нашъ полубаталіонъ, составляя резервъ цѣпи, стоялъ въ сомкнутыхъ ротныхъ колоннахъ, и находился не далеко отъ нея—прямо подъ выстрѣлами горцевъ. Непріятельскія пули какъ рой пчелъ жужжали надъ нашими ушами и съ пронзительнымъ свистомъ проносились мимо, задѣвая, впрочемъ, иногда кого нибудь и въ нашихъ рядахъ. Находиться въ такомъ положеніи было очень непріятно и даже досадно; каждому хотѣлось поскорѣе броситься въ дѣло и лучше умереть тамъ, чѣмъ здѣсь при совершенномъ бездѣйствіи. Впрочемъ,

вскорѣ приказано было, въ избѣжаніе лишней потери въ людяхъ, ротамъ нашимъ ложиться.

Сборъ горцевъ въ лѣсу ежеминутно увеличивался и дѣло наше становилось все серьезнѣе, а въ цѣпи оказался между тѣмъ недостатокъ въ патронахъ. Солдаты, чтобы пополнить свои пустыя сумы, начали бѣгать изъ цѣпи къ нашимъ ротамъ, забирали отъ насъ патроны и возвращаясь потомъ обратно къ своимъ дѣлились ими въ цѣпи.

Однако, понесъ значительную потерю убитыми, ранеными и выбывшими для сопровожденія ихъ на перевязочный пунктъ, цѣпь наша спустя нѣкоторое время начала нерѣшительно колебаться. Пользуясь этимъ, горцы въ одинъ мигъ дружно высыпали изъ лѣсу и съ обычнымъ своимъ гикомъ бросились опять въ шашки на цѣпь.

Роты наши находились хотя и не вдалекѣ отъ цѣпи, но по густотѣ опушки, которая скрывала ее отъ насъ, мы слышали только частую перестрѣлку и крики горцевъ, не совсѣмъ ясно понимая, что происходило тамъ, какъ вдругъ подбѣжать запыхавшись къ нашимъ ротамъ одинъ солдатикъ изъ цѣпи.

— Братцы! кричалъ онъ солдатамъ, цѣпь нашу рубятъ..... ура!

Встреонулись тутъ и мы. Быстро поднявшись, по знаку своего баталіоннаго командира, мы готовились къ отчаянной схваткѣ. Сердце запырало и застучало такъ сильно, что, не смотря на громъ выстрѣловъ и страшный свистъ непріятельскихъ пуль, я казалось слышалъ даже бѣненіе его. Впрочемъ, такое сильное волненіе я испытывалъ лишь только въ первую минуту, но затѣмъ, при общемъ одушевленіи и громкомъ крикѣ «ура», я уже менѣе сознавалъ свою опасность и въ общей массѣ бросился къ цѣпи.

Подъ градомъ непріятельскихъ пуль мы бѣжали къ лѣсу, но у опушки были остановлены, потому что чеченцы при нашей атакѣ быстро отступили и скрылись въ лѣсу, а преслѣдовать ихъ дальше было не безопасно въ виду возможности натолкнуться на непріятельскую засаду.

Какъ теперь помню: я видѣлъ тутъ одного горца-джигита, который въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей цѣпи показался между деревьями, въ бѣлой папахѣ, на прекрасномъ строи конѣ. Выѣхавъ впередъ довольно медленно и гордо, горецъ, просто, изумилъ насъ своею отчаянною храбростію, когда чуть не въ упоръ началъ стрѣлять изъ своей винтовки въ нашихъ солдатъ. Храбрецъ какъ будто бы нарочно искалъ пуль, которая ссадила бы его съ коня, и онъ дѣйствительно дождался этого: нѣсколько выстрѣловъ изъ цѣпи положили его на мѣстѣ.

Не могу забыть я и теперь еще мелькавшего по цѣпи между кустами и деревьями нашего офицера П—ва 2-го, который рѣзко отпи-

чался отъ всѣхъ своею синею шинелью. Горячіи по природѣ, И—въ становился невозмутимо холоднымъ въ дѣлѣ и являлъ собою примѣръ замѣчательной стойкости и хладнокровія. Я съ особеннымъ уваженіемъ бывало смотрѣлъ на этого человека въ перестрѣлкахъ и, правду сказать, не мало дивился тогда его невозмутимому спокойствію.

Послѣ нашей атаки чеченцы значительно стихли; но намъ нужно еще было отступать отъ лѣса, а это въ кавкавказской мѣстѣ считалось всегда немаловажнымъ дѣломъ.

Прежде чѣмъ говорить о нашемъ отступленіи, я хочу сказать нѣ сколько словъ вообще объ отступленіяхъ нашихъ въ кавкавказскихъ лѣсахъ, потому что опасіе и труднѣе этого не было ничего.

Подобно замѣтить, что продолжительная война на Кавказѣ и частыя столкновенія горцевъ съ русскими давно уже ознакомили и приучили первыхъ ко многимъ нашимъ военнымъ порядкамъ. Горцы, напримѣръ, очень хорошо знали назначеніе нѣкоторыхъ нашихъ сигналовъ, и умѣли пользоваться этимъ иногда очень удачно для себя. Въ густыхъ лѣсахъ Чечни бывали такіе случаи, что присутствіе горцевъ со-сѣдѣмъ не обнаруживалось во все время движенія русскихъ впередъ, но едва подавался сигналъ «въ и назадъ», какъ горцы точно изъ земли вырастали; и горе той цѣпи, которая отступала безъ соблюденія обычной осторожности. Горцы стремительно нападали на отступающихъ и иногда рубили цѣпь цѣпными звеньями.

Рассказывали мнѣ старые кавказцы, что бывали даже и такіе случаи, что во время отчаянной схватки съ русскими, когда роты въ лѣсу разбросаны иногда по разнымъ направленіямъ, горцы сами вдругъ подавали сигналъ отступленія на русскомъ рожкѣ (*). Роты принимали сигналъ за свой и отступленіе совершалось. Горцы пользовались происходившимъ при этомъ безпорядкомъ и страшно преслѣдовали отступающихъ. Во избѣжаніе этого у насъ принято было почти за правило въ лѣсныхъ случаяхъ отступленія производить безъ сигнала, а по одному лишь приказанію начальника или заранее условленному какому нибудь знаку—паденію большого дерева, пушечному выстрѣлу въ опредѣленномъ мѣстѣ, свистку и т. д. Наметка въ такихъ случаяхъ у кавкавказскихъ солдатъ была такъ велика, что иногда отступленіе по знаку производилось въ такой степени тихо и скрытно, что горцы замѣчали его тогда уже, когда цѣпь бывала въ преслѣдованіи ихъ.

Итакъ, послѣ атаки получено было отъ начальника отряда приказаніе отступать. Подполковникъ К—евъ, командовавшій правымъ флан-

(*) У горцевъ, во время войны ихъ съ русскими, всегда были свои бѣглые солдаты. Между этими бѣглыми, конечно, попадались и наши горцы.

гомъ цѣпи, зналъ хорошо обычаи горцевъ преслѣдовать русскихъ боиѣ всего при отступленіи, и потому самъ лично направился къ цѣпи, чтобы предупредить солдатъ объ отступленіи безъ сигнала, отдавъ при этомъ приказаніе остальнымъ нашимъ двумъ ротамъ встрѣтить непріятеля, когда онъ покажется пѣзъ лѣса, сильными, батальными огнемъ.

Получивъ это приказаніе, цѣпь тотчасъ же начала отходить. Однако, на этотъ разъ горцы скоро замѣтили перебѣгающихъ назадъ солдатъ и кинулись гурьбою за цѣпью, но ваткнувшись въ опушкѣ въ роты, стоявшія въ резервѣ и открывшія по нимъ жесточайшій огонь рядами, они нѣсколько смѣшались и быстро скрылись въ лѣсъ, потерявъ при этомъ нѣсколько человѣкъ ранеными, которыхъ, впрочемъ, намъ удалось увести съ собою.

Тѣмъ дѣло это и было кончено. Мы отступили на подяпу, восстановили сейчасъ же у себя порядкомъ и, захвативъ съ перевязочнаго пункта своихъ убитыхъ и раненыхъ на носилки, тронулись по дорогѣ черезъ лѣсъ.

До новой позиціи было недалеко, и вскорѣ на той же рѣчкѣ Яманъ-су мы разбили свои палатки.

На дворѣ начинало уже смеркаться, когда мы расположились по палаткамъ. Растянувшись на своемъ персядкомъ коврикѣ, я теперь только почувствовалъ сильную усталость во всѣхъ членахъ и порядочный голодъ, проведя весь день на ногахъ и безъ всякой пищи.

Впрочемъ, какъ ни утомленъ я былъ тогда, но подъ впечатлѣніемъ событій этого памятнаго дня не могъ уснуть почти цѣлую ночь. То были впечатлѣнія молодого, еще не получившаго военного заката человека. Впослѣдствіи, при такихъ же обстоятельствахъ, я засыпалъ спокойнѣйшимъ сномъ и благодарилъ лишь судьбу, выгородившую меня изъ всякаго несчастія.

Въ тотъ же день, когда совершенно стемнѣло, мы отдали послѣднюю честь погибшимъ въ бою нашимъ товарищамъ. Обрядъ погребенія совершился просто: по неимѣнію гробовъ завернули тѣла убитыхъ въ холсты и съ молитвою закопали въ яму, вырытую позади нашего лагеря, и послѣдъ затѣмъ на томъ же мѣстѣ развели большой костеръ, чтобы скрыть могилу отъ горцевъ, большихъ охотниковъ выкапывать русскихъ тѣла съ цѣлью поживиться добычею.

На этой позиціи мы простояли всего одинъ день и потомъ перешли нѣмъ отрядомъ на высоты верстахъ въ четырехъ отъ Яманъ-су; отсюда въ продолженіе двухъ недѣль ходили на рубку лѣса и разоряли окружающіе насъ аулы, но непріятеля уже нигдѣ не встрѣчали болѣе,

хотя и были встревожены однажды ночью появленіемъ партіи горцевъ, недалеко отъ нашего лагеря.

Дѣло произошло такъ: въ одну изъ очень темныхъ ночей, когда весь лагерь нашъ посѣдъ дневныхъ работъ покоемъ тихимъ, глубокимъ сномъ, часу во второй ночи къ палаткѣ моего дяди подскочилъ дежурный по отряду офицеръ и, разбудивъ его, торопливо передалъ приказаніе барона Врангеля отправиться нашему 4-му баталіону, не медля ни минуты, къ залогу⁽¹⁾ по указанію лазутчика.

Принявъ черезъ палатку такое приказаніе отъ дежурнаго, дядя мой еще съ постели крикнулъ баталіону своему «въ ружье», и въ тотъ же мигъ солдаты закопошились, выстраиваясь у палатокъ.

Замѣчательно-поразительная быстрота, съ какою кавказскіе солдаты выходятъ на тревогу, конечно, есть дѣло большого навыка и того, что солдаты во время всего похода никогда не раздѣваются.

Черезъ двѣ минуты мы были уже внѣ лагеря и въ глубокой темнотѣ двигались по ущелью, наблюдая возможнѣйшую тишину. Пройди версты подторы, мы остановились и залегли подъ небольшою горою, по которой, по увѣренію бывшаго съ нами лазутчика-татарина, партія горцевъ должна была скрытно отъ русскихъ пройти по направленію къ аулу Ведень, гдѣ находился тогда Шамилъ. Тишина въ нашемъ баталіонѣ была такъ велика, что мнѣ кажется, если бы кто нибудь пробѣжалъ въ то время въ десяти шагахъ отъ насъ, онъ навѣрное не услышалъ бы ни одного даже малѣйшаго шороха среди тысячъ штыковъ.

Такимъ образомъ, мы пролежали на мѣстѣ около часу, не видя и не слыша никого. Между тѣмъ, впередъ былъ отправленъ пѣшій лазутчикъ, который долженъ былъ предупредить насъ о появленіи партіи. Но къ нашей неудачѣ партія, человекъ въ триста конныхъ, успѣла открыть присутствіе нашего лазутчика и, догадавшись, что тутъ есть гдѣ нибудь русскій залогъ, быстро повернула назадъ.

Досадно было, что все дѣло разыгралось пустою тревогою, но дѣлать было нечего, и мы вернулись обратно въ лагерь.

Направляясь въ одинъ изъ слѣдующихъ лѣтъ дней изъ лагеря на рекогносцировку, мы проходили тотъ Ичкеринскій лѣсъ, гдѣ погибъ въ 1845 году, во время такъ называемой Сухарной экспедиціи, генералъ Пассекъ, достигнутый въ этомъ лѣсу многочисленнѣйшею партіею горцевъ, но и тутъ по насъ не сдѣлано было ни одного выстрѣла. Отсюда слышны были орудійные выстрѣлы изъ отрядѣ генерала Ефодкина, который въ то время съ главными чеченскими отрядами блокировалъ аулъ Ведень—резиденцію Шамиля. Выстрѣлы эти мы слы-

(1) Залогъ—тоже что засада.

шли въскольکو дней (1), и вскорѣ получено было извѣстіе о взятіи нашими войсками Веденя. Съ паденіемъ этого аула всѣ чеченскія общества, выдавъ аманатовъ, окончательно покорились русскому правительству. Самъ Шамилъ, лишившись главнаго оплота въ Чечнѣ, бѣжалъ въ Дагестанъ.

9-го апрѣля отрядъ нашъ приказано было распустить по квартирамъ. На обратномъ пути, въ крѣпости Внезапной, засталъ насъ праздникъ св. Пасхи. Отпраздновавъ по походному, мы 14-го апрѣля, приѣхавшіе всѣми жителями нашего Буртуная, встрѣтившими полякъ у Теренгульскаго оврага, входили уже въ свой штабъ.

Пермояская полка штабъ-капитанъ Аноевъ.

(Окончаніе будетъ).

(1) Аулъ Ведень взятъ русскими войсками штурмомъ 1-го апрѣля, въ 10 часовъ вечера.

ВОСПОМИНАНІЯ О БОЕВОЙ СЛУЖБѢ НА Кавказѣ.

Окончаніе (').

Походъ въ Средній Дагестанъ.

На волю войскъ восточнаго Кавказа въ 1859 году выпала славная доля покоренія Чечни и Дагестана. Годъ этотъ былъ послѣднимъ годомъ владычества знаменитаго предводителя ширидовъ, Шамиля, принужденнаго, наконецъ, сдать русскимъ войскамъ и сдѣлаться нѣзъ властелина подавльшимъ русскаго Императора.

Я неизрѣнъ здѣсь разсказывать объ этомъ послѣднемъ событіи кавказской войны лишь только то, чему былъ самъ свидѣтелемъ.

По возвращеніи домой послѣ весенней экспедиціи въ Ичкерію, полкъ нашъ приступилъ опять къ своимъ занятіямъ, т. е. къ постройкѣ или, лучше сказать, достройкѣ неоконченныхъ еще казармъ, ротныхъ дворовъ и форштата въ Буртулатѣ. Наступала та теплая, даже жаркая половина весны, когда южное кавказское солнце уже вмѣсто начинаетъ брать верхъ надъ суровымъ холодомъ и быстро сгоняетъ снѣгъ съ горныхъ высотъ, обважая ихъ долины, овраги, дороги, тропинки и проч. Съ наступленіемъ тепла, провесся у насъ слухъ о предположеніи собрать вѣроятно отрядовъ для движенія въ глубь Нагорнаго Дагестана, съ цѣлью нанести рѣшительный ударъ Шамилю, который, лишившись теперь своего главнаго оплота—Чечни, съ ея богатыми, дремучими лѣсами, скрылся въ дѣлукъ Аварію.

Слухъ о походѣ, какъ оказалось потомъ, былъ весьма основательный, потому что въ Буртулатѣ, какъ передовомъ укрѣпленіи, изъ котораго предполагалось начать военныя дѣйствія Дагестанскаго отряда, вскорѣ начались огромныя притоповленія и въ крѣпость нашу почти ежедневно стали подвозить чугуныя орудія большаго калибра, артилерійскіе снаряды, провіантъ и фуражъ. Всѣ эти большіе военные запасы показывали ясно, что экспедиція въ горы затѣвается крупная, и что отрядъ отсюда будетъ направленъ черезъ Андію въ Аварію.

(') См. «Воен. Сборн.» 1877 г. №№ 4 и 5.

Въ началѣ іюля мѣсяца отрядъ, подъ начальствомъ командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, генераль-адъютанта барона Врангеля, сталъ собираться около Буртуная и крѣпость наша чрезвычайно оживилась.

Отъ нашего полка въ Дагестанскую экспедицію снаряжены были два баталіона и третій сводный, составившіеся изъ 1-й и 17-й линейныхъ и 1-й, 4-й и 5-й стрѣлковыхъ ротъ. Нашему же 4-му баталіону на этотъ разъ пришлось оставаться гарнизономъ въ своей штабъ-квартирѣ, и въ данномъ случаѣ не составлять, слѣдовательно, никакой дѣйствующей части.

Какъ ни сожалѣли мы всѣ, что очередь оставаться въ штабѣ на время этого, обѣщавшаго очень много, похода, досталась нашему баталіону, но нужно было съ этимъ примириться, и въ утѣшеніе питать себя только тою надеждою, что наши или смѣнить впоследствии другихъ, или просто-таки потребуютъ для усиленія въ дѣйствующій отрядъ, приславъ въ крѣпость для гарнизона нѣсколько ротъ отъ линейныхъ баталіоновъ съ линіи.

По сборѣ отряда, прежде всего приступлено было къ разработкѣ дороги отъ Буртуная до Мичикскаго ущелья, гдѣ горы укрѣпились завалами и приготовили первое препятствіе къ движенію русскихъ; отрядъ изъ Буртуная выступилъ и въ крѣпости нашей сдѣлалось вдругъ какъ то пусто, скучно.

Первое извѣстіе изъ отряда получилось у насъ о взятіи нашими войсками мичикскихъ заваловъ, послѣ разрушенія которыхъ отрядъ двинулся дальше.

18-го іюля изъ Буртуная изъ главнаго Дагестанскаго отряда пришла колонна отъ Апшеронскаго полка и привнесла намъ второе извѣстіе, что сугратлиевская переправа черезъ Андійское Койсу ваята баталіонами нашего полка, и что отрядъ въ скоромъ времени двинется еще дальше. Подробностей ваятія этой очень важной переправы мы еще не знали, но, какъ говорится, уже чутьемъ угадывали, что экспедиція выйдетъ блистательная.

— Знаешь ли, что я думаю? голоризъ мой дядя; ты сегодня же долженъ собираться къ походу, а завтра утромъ, вмѣстѣ съ окаяней апшеронцевъ, отправиться въ дѣйствующій отрядъ. Я написалъ о тебѣ письмо полковому командиру, и ты на время похода будешь прикомандированъ къ моей стрѣлковой ротѣ. Такъ я рѣшилъ, добавилъ онъ, и тебѣ остается приготовиться.

Какъ ни неожиданенъ самъ по себѣ былъ для меня этотъ походъ, но возраженій со стороны моей не требовалось никакихъ, и потому я

тотчасъ же поторопился отправиться домой, чтобы собрать свои вещи, тѣмъ болѣе, что оставалось немного времени до выступленія колонны въ отрядъ.

Къ утру, въ моемъ небольшомъ халхаскомъ мѣстечкѣ положено было все, что только необходимо для продолжительнаго похода, и, распрощавшись со своими дядею, я отправился вмѣстѣ съ окаяіемъ въ отрядъ.

Изъ Буртуная окаяіа направилась на Мичикское ущелье. День стоялъ ясный, жаркій. Миновавъ въ полудню вятые нѣсколько дней тому навадъ завады горцевъ и спускъ Мичикскаго ущелья, мы спустились въ неплодую часть Андін, гдѣ природа разомъ мѣняется свой видъ, представляя совершенно въ иномъ родѣ. Здѣсь уже не видно лѣсовъ, аелентющихся полей, ауловъ, какъ это въ нашей Сала-тавіи; здѣсь одни только безжизненные, голые скалы, обсыпанные мѣстами известковымъ щебнемъ, который, накалываясь отъ солнечныхъ лучей, еще болѣе увеличиваетъ жару, доходящую въ впаменныхъ мѣстахъ Андін и Аваріи до очень душливой.

Сдѣлавъ въ первый день около тридцати верстъ, окаяіа вѣша къ вечеру остановилась для ночлега на небольшой лужайкѣ, выжженной, солнцемъ, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ большаго аула Аргуани, который въ то время былъ уже разоренъ самими жителями, при приближеніи къ нему русскаго отряда.

Здѣсь провели мы ночь на бивакахъ и на другой день, чуть свѣтъ, тронулись опять въ путь. Около полуночи передъ нами открылась большая масса палатокъ нашего главнаго отряда; передовой же отрядъ, въ которомъ были баталіоны нашего полка, находился верстахъ въ восьми еще дальше, на самомъ Андібскомъ Кобсу, въ Сугратѣ, гдѣ нашими дагеставцами была вята съ бою переправа.

Первыми мопы дѣломъ, добравшись до главнаго отряда, было отыскать 21-й стрѣлковый баталіонъ, въ которомъ служилъ хоропіи пріятель моего дяди и знакомый моей семьи, капитанъ У—въ. Я рассчитывалъ остановиться у него, чтобы дожидаться окаяіа на переправу, и тѣмъ временемъ немного отдохнуть.

Отыскавъ скоро палатку капитана, я засталъ его за обѣдомъ, что было для меня очень кстати, потому что отъ самаго Буртуная я не имѣлъ ничего, кромѣ однихъ солдатскихъ сухарей. Капитанъ очень радушно и по товарищески принялъ меня къ себѣ и даже обмолвилъ меня чрезвычайно много, предложивъ своего коня, чтобы доѣхать до баталіона. Я, конечно, не отказался отъ такого предложенія и,

въ тотъ же день, пристроившись къ конной оказіи милиціоверовъ, шедшихъ въ передовой отрядъ, отправился къ своему баталіону.

Отъ Аргуани и до Сугратли дорога идетъ большею частью наклономъ внизъ, имѣя, кромѣ того, нѣстани довольно крутые спуски и почти по всему протяженію была тогда удобна только для вьюковъ. Мы ѣхали всю дорогу шагомъ и начинало уже темнѣть, когда оказія наша добралась до послѣдняго спуска къ Койсу. Страшно крутой и совсѣмъ неразработанный спускъ къ рѣкѣ, казалось сверху, вѣдь въ какую-то бездну. Съ вершины горы слышенъ былъ ревъ бѣшенаго Койсу, который, суживаясь здѣсь ущельемъ, съ невѣроятною быстротою несется по камнямъ и имѣетъ видъ какъ бы кипящей сильнѣйшей ключень рѣки. На противоположной сторонѣ свѣтились огни нашего передоваго отряда, который, не имѣя палатокъ, расположился на самомъ берегу бивакомъ.

Я имѣлъ подъ собою привычнаго горскаго коня, о которомъ слѣдуетъ замѣтить, что вообще такіе лошади въ длинныхъ горахъ Дагестана незаменимы вѣдь. Надобно видѣть, чтобы имѣть понятіе, какъ опытный горскій конь идетъ по крутому спуску; съ какою особенною осторожностію пробуетъ онъ на каждомъ шагу твердость почвы, и уже никакія побужденія не заставляютъ его ступить ногою на какойнибудь подвижной камень или землю, которая могла бы скользнуть изъ подъ его ноги. Зная достоинство своего коня, я рискнулъ было спускаться верхомъ, но вскорѣ, однако, долженъ былъ отказаться отъ такого удобства, потому что коню моему приходилось дѣлать такіе скачки внизъ, что я рисковалъ на каждомъ шагу слетѣть въ ручью и разбиться въ дребезги. Дорога была на столько небезопасна, что на этомъ спускѣ даже и милиціоверы слѣзали со своихъ коней.

Спустились къ рѣкѣ мы благополучно. Здѣсь, не смотря на позднее время дня, солдаты, какъ муравьи, копошились надъ перекинутымъ уже черезъ рѣку мостомъ, спѣша, какъ видно, окончить настилку его. Это были наши дагестанцы. Я передалъ на переправѣ вожатому лошадь капитана У—ва, и, перебравшись еще съ опасностію для себя по бревнамъ моста на другую сторону рѣки, сейчасъ же явился своему ротному командиру, капитану К—скому, которому и вручалъ письмо моего дяди. Капитанъ выразилъ большую готовность помочь мнѣ во время похода чѣмъ можетъ, и предложилъ на первый разъ помѣститься вмѣстѣ съ нимъ и его офицерами подъ бревенчатымъ навѣсомъ, удѣливъ мнѣ для отдыха небольшой кусокъ персидскаго коврика, на которомъ, однако, оказалось, спать было совсѣмъ-то ловко, потому что онъ равнѣе былъ прямо на голыхъ и, въ добавокъ, еще очень неровныхъ камняхъ; но это было самое лучшее, чѣмъ можно было пользоваться въ данную минуту.

Не смотря на близость большой рѣки, наступившая ночь была нестерпимо душна; въ ятому прибавился еще накаленный вѣтеръ изъ ущелья, который вѣялъ на насъ какъ изъ топленой печи и увеличивалъ еще болѣе духоту, не дававшую никакой возможности нѣтъ сомнѣвать глазъ во всю ночь, хотя я былъ сильно утомленъ почти пятидесяти верстными переходами изъ Буртувала.

А на завтра между тѣмъ было уже отдаво въ приказаніи о выступленіи нашего отряда рано утромъ на ахкентскія высоты. Завтра ожидается дѣло; завтра нужно быть бодрѣе, а я порочаюсь съ боку на бокъ и викая не могу заснуть, хотя на одну минуту.

Къ четыремъ часамъ слѣдующаго утра (21-го іюля) нашъ авангардный отрядъ, состоявшій изъ двухъ баталіоновъ ширванскихъ и двухъ дагестанскихъ, подъ командою генералъ-маіора Ракусы, былъ уже готовъ къ выступленію, и, какъ только генералъ объѣхалъ поиска, мы тотчасъ же двинулись къ Бетлянской горѣ.

Ахкентскія высоты по главной дорогѣ къ аулу Ахкентъ были укрѣплены сильными непріятельскими засадами, которые необходимо было прежде взять, чтобы добраться потомъ до самаго аула, лежащаго у входа изъ Андій въ Аварію.

Почти отъ самаго мѣста расположенія нашего бивака начинался подъемъ на гору. Крутой Бетлянской подъемъ шелъ большими ангазгами по горѣ и состоялъ изъ унылой тропинки, по которой отрядъ нашъ, съ самаго начала, долженъ былъ въ одного человека растянуться на весьма значительное протяженіе. Впереди шли ково-мусульманскій полкъ и баталіоны Ширванскаго полка, потомъ вѣлики и, наконецъ, въ арьергардѣ мы. Движеніе было трудное, медленное; скоро и жара уже начинала вставать, а арьергардъ нашъ только что трогался.

Здѣсь произошло у насъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которыми такъ богата была кавказская война въ ту эпоху. Находясь еще при подношій Бетлянской горы, мы замѣтили съ правой стороны, шагахъ въ 800 отъ насъ, копаго джигита, который выстрѣливалъ, вѣроятно, движеніе нашего отряда. Онъ сѣло гарцевать на спомѣ конѣ по площади, но къ намъ не приближался. Надобно ли ему, наконецъ, вѣтилъ забавляться, или онъ хотѣлъ сдѣлать намъ хоть какой вибуди предъ, только вдругъ онъ остановился и выстрѣлилъ изъ своей винтовки; пуля прожужжала надъ нашими головами и никого не задѣла. Но за такую отвѣту джигитъ самъ заплатился жизнью: по немъ было сдѣлаво вѣсколько выстрѣловъ нашими лучшими стрѣлками и мы всѣ хорошо видѣли, какъ лошадь горца повеселась безъ сѣдока по площадѣ. Убитаго горца оставили на мѣстѣ.

День начинался яснымъ и тихимъ утромъ. Густая спивающая мгла заволакивала дальнія горы,—вѣрный признакъ наступающаго зноя, и дѣйствительно уже почти съ первыхъ шаговъ мы начали ощущать его; почувствовалась скоро и потребность въ водѣ; но часамъ къ девяти утра, поднявшись на первую терасу Бетлинской горы, мы нашли тамъ хорошую траву и тѣнистый лѣсъ, а главное—источникъ прекрасной холодной воды, который хотя и оказался забытымъ горцами, но при помощи шапцевато вострумента онъ вскорѣ былъ очищенъ. Здѣсь отряду нашему данъ былъ небольшой отдыхъ. Солдаты спѣшили заправиться водою, которой, какъ говорили намъ, впередъ долго не будетъ, и у источника образовалась такая давка, что, по избытку драки и увѣчій, пришлось самимъ офицерамъ водворять порядокъ.

Съ этого привала отряду приходилось подыматься уже на ахентскія высоты; но на главной дорогѣ, по которой предстояло намъ двигаться, какъ я уже сказалъ, сдѣланы были горцами большіе завалы, за которыми огромныя массы ихъ ожидали нашего приближенія, въ надеждѣ, или за сплехъ кавчей, порядочно пощипать русскихъ. Ожиданія горцевъ, къ счастью нашему, не сбылось, потому что при насъ, въ качествѣ проводника, находился одинъ горскій мальчикъ-равелый и валиый въ плѣтъ при азиатскій сугратлинской переправы. За сохранныю ему жизнь онъ обѣщалъ показать другую дорогу, причемъ, не болѣе какъ горную тропинку, которая шла въ противоположномъ направлевіи главной дороги и, огибалъ по горѣ непріятельскіе завалы, давала возможность зайти горцамъ въ тылъ. По этой горной тропинкѣ были направлены всѣ наши вьюки, кавалерія и горная артилерія; а намъ, для сокращенія пути, предстояло лезть прямо на торчавшую передъ нами гору, которая сплошь была покрыта густымъ толстымъ лѣсомъ. Путь этотъ былъ очень не легокъ, и, въ добавокъ къ тому, не безопасенъ, потому что Бетлинская гора такъ крута, что, поднимаясь на нее, надобно имѣть большую осторожность, чтобы не оборваться внизъ, гдѣ ожидала всякаго упавшаго неминуемая смерть.

Посланные заять вершинку, для прикрытія отряда при движеніи его на гору, ширинцы, оставили свои ранцы внизу и стали подниматься на высоты. За ними, съ ружьями черезъ плечо, тронулись и мы. Тутъ уже невозможно было соблюдать порядка. Масса солдатъ лезла, безъ всякаго порядка, въ разсыпную, хватаясь за стволы деревьевъ и траву. Съ половины горы, подъемъ дѣлался еще ярче, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намъ приходилось буквально карабкаться.

Вдругъ сверху послышался крикъ: «берегись! братцы, берегись!» и въ тоже время, не вдалекѣ отъ меня, промелькнуло между деревь-

явилъ что то большое, черное. Въ началѣ я не могъ разобрать, что такое катится; я видѣлъ только какую то черную массу, которая, безпрестанно ударяясь о стволы деревьевъ, страшною силою неслась внизъ. Это былъ, какъ мы узнали послѣ, верховой конь подковника Канюковича, командира Ширванскаго полка. За первую лошадью пронеслось тѣмъ же путемъ и другая чья-то. Конечно, спасать ихъ никто и не думалъ, да это было и невозможно, потому что обѣ лошади разбились въдребезги. Къ счастью еще, что при своемъ паденіи, онѣ не цапнули никого изъ людей и не увлекли ихъ за собою. Много слетѣло внизъ солдатскихъ котелковъ, мѣшковъ съ сухарями, шапокъ, упущенныхъ сверху; ихъ удавалось иногда ловить и тогда они передавались по приводежности.

Наконецъ, сивовъ чашу деревьевъ, мы увидѣли впереди проблески голубаго неба и вкортъ вылезли на самую вершину, которая представлялась узенькимъ хребтомъ, съ тропинкою по срединѣ. По другую сторону хребта былъ такой же крутой скатъ внизъ, но совершенно голый. Съ этой вершины одны были видны хребты горныхъ возвышенностей, пересѣкавшіе Аварію въ прихотливомъ безпорядкѣ; тамъ, внизу множество ауловъ гнѣздились по ущельямъ, но вся мѣстность на далекое пространство казалась какою то строю, безжизненною.

Какъ ни высоко забрались мы теперь, но палящее солнце жгло насъ немилосердно и тутъ; а въ воздухѣ, какъ варочно, ни малѣйшаго вѣтерка, который бы могъ, хотя нѣсколько, освѣжать наши опаленныя солнцемъ лица.

На вершинѣ горы мы были остановлены, чтобы дожидаться нашихъ вьюковъ, шедшихъ кругомъ дорогою. Долго намъ пришлось лежать здѣсь на жарѣ и безъ воды; жажда начинала мучить, а воды, взятой съ привала, уже давно ни у кого не было. Наконецъ, часа черезъ полтора мимо насъ прошли вьюки съ жидкою и вслѣдъ за ними мы тронулись впередъ.

Невыгодно быть въ арьергардѣ, а когда при этомъ весь отрядъ растягивается въ одного человѣка, то это просто пытка: сдѣлаешь шагъ, много деа и стой, опять шагъ и опять тоже. Садится при малыхъ остановкахъ не стоять, а стоять подъ тяжелой ношею, да еще въ добавокъ при сильной жарѣ, невыносимо.

Однако, нашимъ неожиданнымъ движеньемъ, прямымъ путемъ на Бетлинскую гору, непріятельскіе завалы были свободно обобдены съ флагъ; во горы, какъ видно, еще не теряли надежды пощипать русскихъ нѣтъ за закрытія и держались тамъ, пока не посланы были баталіоны ширванцевъ и милиція, чтобы взять взвозы и вытѣснить оттуда горцевъ.

Мы слышали крики «ура!», когда ворвались ширванцы въ завалы, слышали при этомъ частую перестрѣлку и затѣмъ скоро все стихло. Горцы не устояли, бросили завалы и бѣжали.

По вѣнтіи заваловъ, движеніе наше продолжалось по хребту, нѣмному уже небольшой подъѣмъ; однако, сильное утомленіе движеніемъ на крутую гору, июльскій зной и при всемъ этомъ отсутствіе всякой, хотя бы даже и плохой воды, въ конецъ ослабило солдатъ. Остановиться на ночлегъ безъ воды было нельзя, а идти до Ахкепта приходилось еще далеко. Тяжело навьюченные и усталые солдаты, въ особенности ширванцы, которые должны были спускаться внизъ за оставленными тамъ своими рязцами, начали массами отставать отъ колонны и, какъ убитые, валялись по обѣ стороны нашего пути. Проходя мимо нихъ, я слышалъ какъ многіе умоляли дать хоть глотокъ воды, за который нѣкоторые предлагали свои послѣдніе деньги, но воды достать было негдѣ. Я еще сохранялъ на столько силы, что могъ идти, но въ горлѣ у меня такъ пересохло, что я едва ворочалъ языкомъ. Помню, мнѣ пришлось тогда въ голову утопить хотя нежного свою жажду листьями съ деревьевъ и я началъ было жевать ихъ, но они были такъ горьки и притомъ давали такъ мало древеснаго сока, что отъ этого пришлось откашляться.

По истинѣ можно сказать, что это былъ одинъ изъ тѣхъ трудныхъ, тяжелыхъ дней, которые выпадали иногда въ нашей похоронной казизаской жизни.

Наступали сумерки, утомленный отрядъ тихо подвигался впередъ. Вдругъ по нашимъ рядамъ, какъ молнія, пронеслась вѣсть объ стыканной гдѣ-то водѣ, и эта вѣсть въ одинъ мигъ оживила весь отрядъ. Солдаты, бросая по дорогѣ рязцы, толпами кидались съ своими котелками за водою. Я пошелъ было за ними, но, пройдя немого, почувствовалъ, что силы меня окончательно оставляютъ, и упалъ на землю, терявъ всякое сознаніе. Брызги холодной воды мнѣ прямо въ лице заставили очнуться. Я раскрылъ глаза, и увидѣлъ передъ собою солдата, который, возвратившись отъ источника, стоялъ передо мною, держа въ рукахъ два снятые съ себя сапога, которые были наполнены до верха водою.

— Выпейте барина водичку, осыѣжитесь, предложилъ мнѣ солдатъ, нагбався и подставляя ко мнѣ одинъ изъ своихъ сапоговъ.

Я вскочилъ при видѣ воды на ноги и прильнулъ къ сапогу, готовясь, казалось, выпить изъ него всю влагу, но бывалый солдатъ не далъ мнѣ пить много и почти насильно стиялъ меня отъ воды.

Какъ ни плоха была вода, но она меня осыѣжила и я пошелъ бодрѣе. Солнце уже скрылось за горы и жара начинала сѣняться ночью.

прохладною, которая на ахкентскихъ высотахъ доходитъ по ночамъ до ощутительнаго холода. Наконецъ, поздно вечеромъ, передъ нами замелькали огни нашего авангарда, который расположился уже бивакомъ.

Первымъ дѣломъ каждаго было освѣжить себя холодною водою изъ хорошаго ручейка, протекавшаго здѣсь, послѣ чего всѣ повадились спать прямо на траву, не ожидая ни палатокъ, ни вѣяковъ. Впрочемъ, утомленіе отряда доходило до того, что едва ли кто и помышлялъ тогда о чемъ другомъ, кромѣ сна.

На другой день я проснулся тогда, когда солнышко давно уже встало по безоблачному небу, обдавая насъ своими теплыми лучами.

Отдыхъ нашъ здѣсь былъ небольшой, и на слѣдующее же утро мы тронулись для выбора всему отряду новой позиціи, потому что въ Ахкентѣ она оказывалась и малою, и не совсѣмъ удобною. Пройдя нѣсколько верстъ и не найдя ничего лучшаго, мы повернули опять назадъ въ свой лагерь и оставались тутъ до 26-го іюля.

Взятіе сугратлинской переправы и потомъ ахкентскихъ высотъ имѣло важныя послѣдствія на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій нашего отряда. Слѣдствіемъ этихъ успѣховъ было то, что въ лагерь подъ Ахкентомъ къ намъ явились старшины почти всей Аваріи для заявленія покорности. Старшины были приняты барономъ Врангелемъ очень благосклонно, и въ брошенный аулъ Ахкентъ начали переселяться его жители, успѣвшіе въ нѣсколько дней такъ освоиться съ солдатами, что завели базаръ въ нашемъ лагерѣ, торгуя мѣстными произведеніями, какъ-то: чуречками, овечьимъ сыромъ, молокомъ и проч.

26-го іюля у насъ въ лагерѣ былъ благодарственный молебень, по случаю взятія сугратлинской переправы и ахкентскихъ высотъ. Послѣ пропавшаго парада, командующій отрядомъ благодарилъ воиновъ за оказанную ими храбрость въ дѣлахъ и самъ лично раядовалъ кресты наиболее отличившимся солдатамъ.

Вечеромъ того же дня было отдано приказаніе о выступленіи на слѣдующій день, по куда—это хранилось пока еще въ тайнѣ. Лагерь передъ рассвѣтомъ началъ укладываться на вѣяки и къ пяти часамъ утра мы были уже сонныя готовы.

Движеніе наше началось обыкновеннымъ порядкомъ; выйдя съ ахкентской позиціи, мы повернули вправо и пошли татарскою дорогою между вѣтянскими полями на аулъ Цатавиныхъ.

Этотъ прежде громадный, но небольшой аулъ имѣлъ въ крованую драгою, развагравшуюся въ немъ при общемъ возстаніи Аваріи. Въ 1843 году, вѣянинъ теперешняго аула Цатавиныхъ, строилась небольшая русская крѣпостца для гарнизона, который временно расположенъ былъ въ самомъ

аулѣ. Сюда въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1843 года явился Шаубъ-мудла съ большою партіею горцевъ и легко склонялъ жителей на сторону Шамиля. Видя явную непріязнь къ себѣ жителей Цатануха, малочисленный гарнизонъ долженъ былъ очистить селеніе и занять еще не совсѣмъ оконченное укрѣпленіе, въ которомъ и укрѣпился; но вслѣдъ за Шаубъ-мудлою прибылъ сюда же и самъ Шамилъ со своими мюридами, и тогда слабое укрѣпленіе устоять уже не могло. Много потерялъ тутъ Шамилъ своихъ мюридовъ и долго пришлось ему бороться съ храбрыми защитниками маленькой крѣпости; но, наконецъ, гарнизонъ Цатануха былъ истребленъ и укрѣпленіе было взято горцами.

У этого-то Цатануха мы дѣлали теперь привалъ. Мѣсто кругомъ аула было голое и потому отдыхать пришлось подъ палящимъ солнцемъ, отъ котораго большинство офицеровъ спасалось только бурками, накинутыми на козлы наъ ружей. Послѣ часового припада, мы двинулись дальше; поднявшись на гору за Цатанухомъ, мы вышли въ долину и ею шли верстъ пятнадцать вплоть до Могекскаго ущелья. Здѣсь выбрана была нами позиція на довольно значительной высотѣ, гдѣ страждъ и расположился бивакомъ безъ палатокъ, послѣ перехода не менѣе сорока верстъ.

Не смотря, на конецъ іюля мѣсяца, здѣсь было такъ прохладно, что ночью мы порядочно продрогли, а огня ни гдѣ не было, потому что кругомъ не только прутяка, но даже и сухаго бурьяна не могли найти, чтобы развести хотя небольшіе костры. Мы могли еще кое-какъ поѣсть горячаго, и то только благодаря тому кавказскому обычаю, что нашъ запасливый солдатъ, не смотря на обременяющую его ношу въ походѣ, всегда бывало приносило къ своему сухарному мѣшку какую нибудь щепку для своего ретнаго котла, а въ Аваріи, гдѣ дѣла встрѣчается вообще очень мало, у насъ ставился солдатамъ даже въ некоторую обязанность такой способъ запаса топлива въ походѣ.

На слѣдующій день чуть свѣтъ, въ составѣ трехъ батальоновъ, подъ командою генералъ-маіора Ранусы, мы тронулись обратно по старой дорогѣ. Какъ оказалось потомъ, наше обратное движеніе произошло вслѣдствіе того обстоятельства, что ночью послѣдовало намѣненіе въ дислокаціи и теперь мы должны были слѣдовать прямо къ Тилитю по Хунзахской долинѣ.

Хунзахская долина протекаетъ между двумя невысокими хребтами горъ и тянется отъ самого Могекскаго ущелья почти вплоть до аула Хунзаха верстъ на двадцать пять. Почти вся равнина застѣна хлѣбами и ячменемъ. Самый аулъ Хунзахъ, бывший когда-то столицей аварскаго ханства, нынѣ небольшое и очень бѣдное селеніе, расположенное неда-

леко отъ спуска къ Аварскому Койсу. Въ 1843 году, здѣсь, близъ аула, было наше укрѣпленіе, остатки котораго, въ видѣ большихъ кучъ мусора и пременявъ уже сглаженныхъ ямъ, еще видны были довольно хорошо.

На встрѣчу къ нашему отряду высыпала масса жителей изъ аула и съ большимъ любопытствомъ разсматривала солдатъ, которыхъ большая часть изъ нихъ, вѣроятно, видѣла въ первый еще разъ. Впрочемъ, все населеніе отнеслось къ намъ весьма миролюбиво.

Пройдя безъ остановки аулъ, мы вышли на узкую каменную тропинку, которая вела къ хузахскому спуску. Батальоны растянулись въ длинную вереницу и опять пошли тѣ же остановки. На долю нашего батальона пришлось быть въ арьергардѣ и на этотъ разъ испытать всѣ невыгоды тащиться по тропинкѣ въ хвостѣ колонны.

Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о движеніяхъ отрядовъ по дорогамъ дикой Аваріи, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ спускѣ въ долину Аварскаго Койсу. Въ Дагестанѣ всѣ пути состояли, преимущественно, изъ горныхъ тропинокъ, по которымъ движеніе отрядовъ, даже и небольшихъ, всегда сопряжено было съ немалыми затрудненіями и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какия побудь дѣтъ, три версты приходилось дѣлать иногда болѣе полудня. Я уважу здѣсь для примѣра на дорогу по Андійскому Койсу выше укрѣпленія Пресображенскаго; это дорога въ одномъ мѣстѣ проходитъ по выстѣнному въ скалѣ полутонелю, на разстояніи не болѣе ста сажень. Тутъ въ 1861 году, возвращаясь послѣ усмиренія Ункратля, въ составѣ трехъ батальоновъ и четырехъ горныхъ орудій, мы на сто сажень употребили болѣе десяти часовъ времени, чтобы переправить нашъ небольшой отрядъ черезъ тоннель и при этомъ не имѣли никакихъ препятствій къ движенію со стороны горцевъ.

Встрѣчались намъ, правда, въ Аваріи дороги и правильной разработки, которыя были проложены генераломъ Феаи, еще въ началѣ сороковыхъ годовъ; но, во-первыхъ, эти дороги были проложены не вездѣ тамъ, гдѣ мы проходили, а во-вторыхъ, многія изъ нихъ были такъ испорчены временемъ и горцами, что пользоваться ими было почти невозможно.

Главное затрудненіе отрядовъ въ переходахъ по такимъ дорогамъ, состоятъ обыкновенно въ присутствіи полевой артиллеріи, которую во многихъ мѣстахъ часто приходится переносить на рукахъ. Впрочемъ, даже и безъ артиллеріи, а съ однимъ только выюмомъ, мы не всегда свободно проходили по всѣмъ дорогамъ въ Дагестанѣ и очень вѣрдно

приходилось людям перетаскивать тяжести на себя, что, конечно, всегда сильно замедляло наши движенія.

Хунзахскій спускъ шёлъ точно такую дорогу. Съ вершины спуска намъ ясно видны были рѣка и вся дорога, на которой авангардъ нашъ — 18-й стрѣлковый баталіонъ, расположившись уже близъ каменъ, валилъ себя кашпцу; казалось, недалеко было и намъ до ночлега, но мы жестоко ошиблись, потому что не только не привелось намъ въ ту ночь добраться до своего мѣста, но и совсѣмъ сомкнуть глаза.

Мы начали спускаться въ эту трущобу еще до заката солнца. Безчисленное множество шагбобовъ, огромные камни, около которыхъ приходилось равнѣючивать лошадей, потому что выюки здѣсь не могли пройти, и къ тому же безпрестанные уступы внизу, гдѣ лошадь должна была перескакивать, до такой степени замедляли наше движеніе, что приходилось останавливаться черезъ каждые пять, десять шаговъ и выжидать, когда тронутся передніе впередъ. Молодой серпъ мѣсяца, освѣщавшій въ началѣ насъ, уже началъ скрываться за горы, большая часть ночи уже прошла, наконецъ, и утрення заря заалѣла на востокѣ, а мы были еще только на половинѣ спуска. Высоко поднялось солнышко надъ нами, когда аріергардъ спустился совсѣмъ къ рѣкѣ.

Отдохнуть, впрочемъ, здѣсь не пришлось какъ бы слѣдовало, потому что едва успѣли солдаты сварить и поѣсть своей кашпцы, какъ барабаны забили опять подъемъ для движенія дальше. Съ большою неохотою посматривали мы на громаду Тплтлннской горы, куда надлежало намъ подниматься отъ рѣки, — подъемъ предстоялъ опять трудный и большой.

Мы еще не становились въ ружье, какъ показалась небольшая партія горцевъ, направлявшихся прямо къ намъ со стороны аула Голотан. Впередѣ этой партіи ѣхалъ очень почтенныхъ лѣтъ старикъ съ бѣлою чалмою на папахѣ, что означало его высочій санъ. Поровнявшись съ нами, партія осѣдломалась, гдѣ находится начальникъ отряда и, по указанію солдатъ, направилась прямо къ палатѣ генерала Ракусы. Это былъ извѣстный Кибитъ-Магома, наибъ тплтлннскій, который въ исторіи Кавказа играетъ весьма важную роль, по своему большому значенію между народами. Онъ со свитою пріѣхалъ изъ Тплтлн для заявленія покорности русскому правительству.

Скажу здѣсь о немъ нѣсколько словъ.

Кибитъ Магома, извѣстный русскимъ еще съ 1837 года, былъ одинъ изъ главныхъ предводителей мюридовъ. Его замѣчательный умъ и извѣстная храбрость, которыми онъ успѣлъ еще въ 1839

году приобрѣсть сильное вліяніе на народъ и даже вселить въ немъ убѣжденіе въ своей мнимой святости, дали ему право пользоваться большими уваженіемъ и вѣсомъ въ горахъ. Добиваясь постоянно власти, онъ не гнушался никакими путями и, чтобы не нѣтъ преградъ, постарался прежде всего уничтожить всю свою большую родню. Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ дѣлается тилитлинскимъ набомъ, а возстаніе въ 1843 году въ Дагестанѣ даетъ ему обширное поле для дѣятельности. Дѣйствуя въ Аваріи съ большими уже скопищами горцевъ, онъ взялъ наше Гочатлинское укрѣпленіе и уничтожилъ при этомъ весь его гарнизонъ.

Вотъ этого-то знаменитаго дагестанскаго наба мы видѣли теперь передъ собою. Его важная, полная увѣренности осанка, положительность въ приемахъ и умные глаза, невольно обратили на себя вниманіе всѣхъ, тѣмъ болѣе, что многочисленные про него рассказы старыхъ кавказцевъ хорошо еще были въ памяти у каждаго.

Подѣхавъ къ палаткѣ генерала Ракусы, Кибитъ-Магома, съ помощію своихъ нукеровъ, неторопливо сѣлъ съ коня; важно и также неторопливо сѣлъ на разосланную для него бурку и послалъ доложить о себѣ генералу. Генераль Ракуса пригласилъ его въ палатку, гдѣ и произошла между ними аудіенція, продолжавшаяся, впрочемъ, недолго. Выйдя потомъ отъ генерала, Кибитъ-Магома сѣлъ опять верхомъ на коня и въ сопровожденіи своей свиты отправился обратно.

Съ отъѣздомъ Кибитъ-Магомы мы тронулись сначала вдоль берега Койсу на аулъ Голотль. Перейдя здѣсь съ большою опасностію деревянный, татарской постройки мостъ черезъ рѣку, который подъ ногами нашими сильно покачивался, грозя, казалось, ежеминутно обрушиться отъ большой тяжести, мы начали прямо отъ моста подниматься на крутую гору по одной только тропинкѣ. Мѣсто здѣсь было на столько дикое и притомъ, непріятное, что мы ожидали даже перестрѣлки съ жителями; но все обошлось благополучно, за исключеніемъ развѣ того, что, поднявшись на довольно уже значительную высоту, мы попали подъ сильный дождь, который въ нѣсколько минутъ вымочилъ насъ до нитки. Сдѣлавъ переходъ около десяти, двѣнадцати верстъ, мы достигли Тилитлинской горы и стали здѣсь лагеремъ.

Я не успѣлъ пересушить свое платье, какъ уже былъ назначенъ съ командою на пикетъ, который выставленъ былъ на одинъ шагъ уступовъ скалы, круто возвышавшейся съ лѣвой стороны отъ нашего лагеря. Эта обрывистая скала была Чемоданъ-гора, получившая еще на старинное названіе отъ самихъ солдатъ, по своему наружному сходству съ формою чемодана.

2-го августа отъ Тылтля мы двинулись дальше. Густой и сырой туманъ, вмѣстѣ съ мелкою наморозью, заволакивалъ всю окрестность, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ не было даже видно дорогъ. Пройдя нѣсколько верстъ, мы неожиданно наткнулись на палатки, которыя разбивались нашими авангардомъ; это была наша новая повоица, на которой и расположился нашъ отрядъ. После полудня туманъ нѣсколько разсѣялся и стала видна вся окрестность; наша поляна представляла огромную, нѣсколько волнистую площадь, окруженную горами. Теперь мы находились въ худинскомъ обществѣ, въ урочищѣ Гунимеръ. Изъ лагеря нашего, какъ на ладони, видна была гора Гунибъ-дагъ, гдѣ въ то время скрылся Шамиль съ 400 преданнѣйшихъ ему мюридовъ и пятью орудіями, намѣреаясь защищать себя тамъ, какъ говорили горцы, до послѣдней степени.

Цѣлую недѣлю мы простояли въ Гунимерѣ, пропадая въ это время небольшими отрядами разныя ремесленники къ Гунибу и посредствомъ-то ихъ успѣли узнать, что гора Гунибъ, съ западной и южной сторонъ, совершенно непреступна по своимъ скалистымъ, отвѣснымъ обрывамъ, но, что при подпавѣ ея можно доволно удобными мѣста, на которыхъ возможно будетъ поставить войска небольшими отрядами для предполагаемой блокады.

Стоянка въ Гунимерѣ была очень хороша по отношенію умѣреннаго и здороваго тамъ климата. Какъ обыкновенно, скоро образовался у насъ въ лагерѣ свой базаръ, на который жители окружающихъ ауловъ весьма охотно являлись ежедневно и приносили для продажи свои мѣстные пропаведенія, состоящія, преимущественно, изъ кукурузныхъ чурчурокъ, овечьего сыра и проч.

Базаръ въ лагерѣ былъ всегда нѣкотораго рода развлеченіемъ для насъ. Сюда собиравлись со всего отряда солдаты, офицеры, — въые ради прогулки, въые, чтобы что нибудь и купить. Здѣсь толпились народъ съ ранняго утра до глубокихъ сумерокъ. Горцы всего охотнѣе вымѣниваютъ свои пропаведенія на серебряныя деньги, потому что только ихъ когда-то видѣли и аваютъ имъ цѣну (¹). Впрочемъ, въ глухихъ, или, лучше сказать, отдаленныхъ мѣстностяхъ не рѣдко бывали случаи, что солдаты безжалостно надуряли горцевъ при расплатѣ за товаръ. Я самъ бывалъ не одинъ разъ свидѣтелемъ, какъ иной байгушъ (²) или марушка (³) воплился по базару чуть не съ пла-

(¹) Горцы своей монеты не выюютъ и сатовки ихъ производится или нашими денгями, или просто вымѣномъ одной вещи на другую.

(²) Байгушъ—бѣднякъ, оборванецъ.

(³) Марушка—женщина.

чемъ, съ какою нибудь жѣдной монетою въ нѣскольکو копѣекъ, натертою ртутью, которую они принимали по простотѣ за серебряную. Такими штуками занимались нѣкоторые аферисты, и такъ иногда дюжко надудали этихъ бѣдняковъ, спуская имъ жѣду за серебро, что иной купитъ у горца чурекъ на одинъ абазъ⁽¹⁾, да еще и получить со своей монеты сдачу чистыми деньгами. Конечно, такой способъ пріобрѣтенія у насъ сильно преслѣдовался, но всегда усмотрѣть за этимъ не было возможности.

3-го августа мюриды Шамшия пытались ночью провести плѣнныхъ и имущество пшама на Гунибъ, но мушкетеры сами напали на этотъ транспортъ, отбили его вмѣстѣ съ плѣнными и передали все въ нашъ отрядъ. Между этими плѣнными оказался и бѣглецъ. Одинъ изъ нихъ былъ солдатъ нашего полка, бѣжавшій лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ горы. Прежде онъ былъ денщикомъ, бывшаго тутъ же съ нами капитана Кв—скаго. Бѣглый узналъ своего прежняго господина и чистосердечно разсказалъ о причинѣ своего побѣга, которая заключалась въ томъ, что, потерявъ гдѣ-то на водопой лошадей своего барина, онъ рѣшился побѣжать отъ ответственности и ушелъ въ горы. Тамъ онъ провелъ болѣе 15-ти лѣтъ, научился горскому языку и такъ отатарился, что изъ него уже съ трудомъ можно было узнать русскаго. Много разсказывалъ онъ про свое горькое житіе въ горахъ; нѣсколько разъ хотѣлъ вернуться въ своимъ, но не подходило удобнаго случая для того, да и наказанія сильно боялся.

Къ 8-му августа въ нашъ отрядъ прибыло съ лезгинской линіи еще нѣсколько баталіоновъ Капкааской гравадерской дивизіи и отряды начали стягиваться къ Гунибу.

Много различныхъ толковъ и предположеній было у насъ о блокаде Гунибъ; провѣся слухъ, что всѣ отряды останутся здѣсь зимовать, если не удастся взять гору штурмомъ. А штурмомъ Гунибъ взять, казалось, будетъ нелегко, потому во первыхъ, что Гунибъ довольно высокая гора и почти непреступна по своимъ обрывистымъ, каменнымъ скаламъ, на которыхъ взобраться, казалось, будетъ невозможно даже и въ томъ случаѣ, если защитники не окажутъ серьезныхъ препятствій; во вторыхъ, верхняя площадка Гунибъ, вмѣщая въ своемъ периметрѣ около семи, восьми верстъ, покрыта была, какъ рассказывали сами горцы, лугами, пашнями и хлѣбомъ; вмѣстѣ кромѣ того, прекрасную березовую рощицу⁽²⁾ и давала, такимъ образомъ, Шамшию воз-

(1) Абазъ—такъ называется въ горахъ одинъ двугривенный.

(2) Въ Дагестанѣ и Чечнѣ нѣтъ случаевъ встрѣтить березы вѣдъ, за исключеніемъ Гунибъ.

мѣстности обойтись безъ всякаго сообщенія съ другими мѣстами и выдержать со своимъ гарнизонѣмъ весьма продолжительную осаду. Наконецъ, на Гунибѣ, какъ повѣствованіе было намъ, находилось около четырехъ сотъ человѣкъ предавшихся Шамлю мирнодошъ, которые, по свойству мѣстныхъ условій, могли защищать гору даже однимъ сбрасываніемъ огромныхъ камней и тѣмъ не только всѣ наши отряды, но, пожалуй, и въ нѣсколько разъ большіе, заставить отказаться отъ штурма, ибо въ данномъ случаѣ количество войскъ при штурмѣ не могло имѣть большого значенія.

9-го августа и наши батальоны съ Гуншера потянулись къ Гунибу. Маленькіе аулы, которые приходилось проходить намъ, встрѣчали войска не сурово и спѣшили выносить на продажу мычу, сливы и ай-пыя груши.

Подходя къ горѣ и выбравъ площадку нѣсколько ровнѣе другихъ, мы расположились лагеремъ у самой почти подошвы Гунибы. Завалы на горѣ видны были простыми глазами; видно даже было, что тамъ шла дѣятельная работа по укрѣпленію ихъ. Заготовленные кучи большихъ камней свѣдѣли о томъ, что защита горы предполагается упорная. Мы едва лишь успѣли занять свою позицію, какъ горцы открыли ружейную стрѣльбу; но она не причиняла, однако, намъ вреда, потому что отдѣлившее разстояніе было недостижимо для ихъ оружія. Однако, полковникъ Радецкій приказалъ выставить на возвышенность пикетъ отъ стрѣлковой роты и открыть въ свою очередь огонь по горцамъ; пули нашихъ наганныхъ ружей востучали по камнямъ заваловъ и заставили горцевъ прекратить перестрѣлку.

Въ слѣдующій день нашъ сводный батальонъ перешелъ еще далѣе и расположился на позиціи не болѣе какъ въ полсотнѣ версты отъ 2-го батальона. При нашемъ передвиженіи горцы открыли опять огонь, но и на этотъ разъ безъ всякаго успѣха. Пробовали они пускать къ намъ камни громадной величины, но при паденіи своемъ, камни разбивались объ утесы на тысячи мелкихъ кусковъ и со страшнымъ шумомъ и быстротою катясь внизъ, не могли вредить намъ, потому что лагерь нашъ отдѣлялся отъ горы довольно глубокимъ балкою, куда всѣ падающіе камни и сваливались кучею.

Такимъ образомъ, къ 10-му августа, по предварительному осмотру мѣстности у подошвы горы, всѣ отряды наши, раздѣлившись на мелкія части, расположились подъ Гунибомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: главный Чеченскій отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго Кавказскою арміею, князя Барятинскаго, занялъ позицію отъ Турчп-дага на вечерскихъ высотахъ; съ южной стороны—батальоны Апше-

ровскаго и Самурскаго полковъ и 21-й стрѣлковый баталіонъ; съ западной стороны расположились нѣнъ полкъ, и, наконецъ, съ сѣверной стороны—баталіоны Кавказской граведерской дивизіи, Самурскаго полка и 18-й стрѣлковый баталіонъ съ конно-прегулярною кавалеріею.

Видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, Шамилъ вступилъ въ переговоры, которые тянулись до 22-го августа и перестрѣлки на это время прекращены были повсюду. Но переговоры эти, имѣвшіе, какъ кажется, только ту цѣль, чтобы оттянуть время, не привели ни къ какому положительному результату и потому уже 22-го августа они были прекращены.

Теперь для уясненія постепеннаго хода дѣлъ подъ Гунибомъ надобно прежде всего сказать, что не только съ нашей, но и со всѣхъ другихъ сторонъ, гдѣ расположены были отряды, гунибскія скалы казались совершенно недоступною въ овладѣнію ея вершиною. Въ сколько нибудь значительныя трещины, гдѣ существовали кое-какія тропинки, были взорваны пороховъ, а въ сѣдловинахъ скалъ, черезъ которые могъ бы быть выходъ на верхъ, негдѣ пронесены были толстые каменные аламы; кромѣ того, по всей окрестности вершины горы горцы, какъ я уже сказывалъ, заготовили большіе запасы камней, которые, въ случаѣ надобности, могли быть пущены въ наши штурмующія войска. Впрочемъ, съ восточной стороны, гдѣ протекаетъ рѣка Кара-Койсу, спускъ съ Гунибы былъ значительно положе и представлялъ еще возможность движенія войскъ на гору; но съ этой стороны за то Гунибъ былъ сдѣльно укрѣпленъ толстыми каменными стѣнами съ башнями и бойницами и, кромѣ того, тутъ же были сосредоточены у Шамиля всѣ его орудія.

24-го августа еще съ ночи начались вѣноторыя приготовленія къ штурму; охотники Аншеронскаго полка, подъ командою капитана Скворцова, поехали прямо на гору, а стрѣлки Ширванскаго полка заняли сады по Кара-Койсу, приблизившись, тѣмъ образомъ, къ самой подошвѣ горы. Только съ нашей стороны, по недоступности горы, не предпринималось въ этотъ день ничего.

25-го августа съ утра въ нашемъ лагерѣ еще все было спокойно. Въ обыкновенную часть мы поднялись, въ обыкновенную часть солдаты припились за свой обѣдъ; но въ это самое время мы замѣтили позаушкѣ по горѣ солдатъ нашего 2-го баталіона и затѣмъ услышали оттуда сигналъ: «движеніе лѣвому флангу». Въ одну минуту у насъ все засуетилось: роты съ обѣдовъ были брошены и роты уже стропались. Нѣсколько слабыхъ солдатъ были оставлены для охраненія лагеря; остальное же двинулось къ горѣ.

Однако, какъ ни недоступною казалась намъ торчавшая передъ гла-

взми скала, но ведшій насъ лазутчикъ звалъ, куда ведетъ войска, и, дойдя до самой скалы, мы дѣйствительно нашли какую-то узенькую тропинку, по которой и одному человеку можно было съ большимъ трудомъ и опасностію дѣлать на гору. У самого подъема полковникъ Радецкій приказалъ выслать людей съ шанцевымъ инструментомъ для разработки тропинки, которую горцы такъ испортили во многихъ мѣстахъ пороховъ, что приходилось исправлять ее на каждомъ шагу. Къ тому же мягкій грунтъ ямми обсыпался подъ ногами солдатъ, отчего расширенная тропинка становилась часто вновь непроходимой. Здѣсь уже солдаты работали просто штыками. Въ одномъ мѣстѣ, подъ нависшей скалой, недалеко отъ выхода на верхъ, тропинка была выстѣчена въ самой скалѣ и до того испорчена, что исправить ее однимъ шанцевымъ инструментомъ было нельзя. Переходъ этого мѣста представлялъ очень серьезную опасность: малѣйшее неутро рассчитанный шагъ могъ повлечь за собою паденіе въ страшную бездну, гдѣ уже, конечно, и костей нельзя было бы собрать. Немногіе рисковали переходить надъ этою пропастью безъ посторонней помощи. Я, по примѣру другихъ, ухватился за штыкъ подвѣснаго мѣ съ той стороны ружья и, съ напряженіемъ сердца, стараясь при этомъ не смотрѣть внизъ, благополучно перешелъ рубящимъ. Далѣе было уже менѣе опасно, и вскорѣ мы всѣ выбрались на верхушку Гуниба безъ всякаго, къ счастью нашему, выстрѣла, потому что горцы, не допуская, вѣроятно, возможности возвратиться тутъ русскимъ, въ минуту атаки горы оставили свои посты и отступили къ аулу. Когда всѣ роты выбрались, такимъ образомъ, на гору, мы построились въ ротныя колонны и двинулись немедленно къ аулу.

Верхняя площадка Гуниба представляетъ возвышенность, пересѣченную оврагами и невысокими горами; большія поля съ собранною уже на нихъ жатвою и прекрасные зеленые луга, на которыхъ паслись тамъ и сямъ табуны горскихъ лошадей, занимали большую часть площади. Горцевъ видѣть не было видно и одни только всадники ковно-мусульманскаго полка, отыскавшие раньше гдѣ-то удобную тропинку, уже рыскали по всѣмъ направленіямъ гунибской площади и своими арканами ловили лошадей пастушескихъ табуновъ. Наши солдаты тоже, къ своей очереди, не вѣдали и успѣли захватить въ каждую роту лошадей по нѣсколько штукъ.

Пройдя по площади Гуниба около четырехъ, пяти верстъ, мы поднялись, наконецъ, на небольшую возвышенность, съ которой передъ нами уже районъ открылся весь аулъ Гунибъ, лежащій въ неглубокой котловинѣ. Войска, прибывшія ранѣе насъ къ аулу, уже окружили его по высотамъ и, по мѣрѣ своего приближенія, становились въ круговую стѣну сомкнутыхъ батальоновъ. Перестрѣлка, начавшаяся было съ ауломъ.

вскорѣ, однако, была прекращена, потому что, находясь теперь другъ противъ друга въ равстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень, мы могли рикошетными выстрѣлами вредить своимъ же.

Гора Гунубъ-лагъ была взята, но не въ нашихъ рукахъ былъ еще аулъ и самъ Шамиль, заключившійся въ немъ съ преданными ему до фанатизма мюридами, которыхъ нужно было склонить къ сдачѣ, или взять силою. Вслѣдствіе этого, какъ только всѣ штурмующія войска собрались къ аулу, главнокомандующій, князь Барятинскій, приступилъ къ переговорамъ съ Шамилемъ, въ продолженіе которыхъ мы останавливались на мѣстахъ, сохраняя глубокую тишину.

Но главнокомандующій не рассчитывалъ вполне на добровольную сдачу Шамиля и потому приказалъ своему адъютанту обѣщать войска и передать, между прочимъ, слѣдующій приказъ: «пока ведутся переговоры съ Шамилемъ, войскамъ не трогаться съ своего мѣста и стрѣльбы не открывать, но если эти переговоры не увѣнчаются успѣхомъ, то послѣ третьяго выстрѣла пазъ орудій броситься всѣмъ въ аулъ и взять его штурмомъ».

Между тѣмъ для переговоровъ съ Шамилемъ отправленъ былъ въ аулъ полковникъ Лазаревъ⁽¹⁾, какъ человѣкъ боевой и вѣрный своему храбростию. Онъ рѣшился отправиться къ Шамилю совершенно одинъ. Рассказывали потомъ, что полковникъ долго уговаривалъ Шамиля положить оружіе и сдаться русскимъ, обѣщая отъ имени главнокомандующаго сохраненіе ему жизни и всего его имущества, но Шамиль упорно отказывался отъ этого и сначала показывалъ рѣшимость скорѣе убить самого себя, чѣмъ постыдно сдаться гяурамъ⁽²⁾. Онъ началъ совершать свой намазъ въ мечети и, послѣ долгой молитвы, подтвердилъ свое рѣшеніе. Однако, полковникъ Лазаревъ, отлично владѣвшій горскимъ языкомъ, не терялъ еще надежды на успѣхъ своего предпріятія и очень искусно сталъ доказывать Шамилю, что, кромѣ преда самому себѣ, своему семейству и потомъ даже народу, онъ своимъ красивымъ упорствомъ ничего болѣе не можетъ сдѣлать и что ему, какъ духовному лицу, приличнѣе всего будетъ для общаго блага принести въ жертву свои убѣжденія, за что, онъ вѣдѣется, будетъ испрошена ему милость Русскаго Царя.

Послѣдній доводъ поколебалъ Шамиля; онъ впалъ въ раздумье и, минуту спустя, объявилъ полковнику Лазареву, что готовъ выйти къ

(1) Полковникъ Лазаревъ за вѣртіе Шамиля произведенъ былъ въ генералъ-майоры и, впоследствии, командовалъ 21-ю пѣхотною дивизіею.

(2) Гюль—неутрныя; такъ горцы называютъ русскихъ и вообще христіанъ.

русскимъ, но дѣлаетъ это только изъ одной любви къ своему семейству и народу.

Заколыхался вдругъ аулъ особеннымъ движеніемъ: по улицамъ начали показываться юрнды и женщины, закутанныя въ свои бѣлыя чадры, засновали изъ сакли въ саклю; Шамиль готовился выѣзжать къ русскимъ. Съ нашей стороны все съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣло на аулъ, въ ожиданіи окончательной развязки.

Полчаса спустя, выступили, наконецъ, кучки горцевъ изъ аула и за ними показался Шамиль. Онъ вышелъ вѣстѣ съ полковникомъ Лазаревымъ, окруженный своими приближенными. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Шамиль вдругъ немного приостановился, бросилъ взглядъ кругомъ и затѣмъ быстро повернулъ назадъ въ аулъ.

Не понимая значенія такого поступка, мы были нѣсколько озадачены его возвращеніемъ, но оказалось, что Шамиль не соглашался выходить изъ аула въ виду нашихъ конно-мусульманцевъ, которыхъ онъ считалъ своими самыми злыми врагами и, можетъ быть, теперь боялся выраженія какой нибудь насильи со стороны ихъ. Чепурханы (шпиціонеры) были отодвинуты тотчасъ же назадъ и шестіе Шампила возобновилось.

И теперь еще, спустя много уже лѣтъ, мнѣ живо представляется та торжественная минута общей тишины, которая наступила тогда повсюду; но едва Шамиль сдѣлавъ нѣсколько шаговъ отъ послѣдней сакли, какъ неудержимое, дружное «ура!» тысячи голосовъ разомъ огласило окрестность. Это было «ура!» не заважное и не по приказанію, а прямо изъ души!

Шамиль шелъ пѣшкомъ во всемъ вооруженіи, а своди него велъ его бѣлаго верхового коня. Приблизившись на нѣсколько десятковъ шаговъ къ главнокомандующему, который во все время переговоровъ сидѣлъ на конѣ⁽¹⁾, Шамиль оставилъ свою свиту и уже одинъ подошелъ къ князю. Князь встрѣтилъ Шампила небольшою, но въ духѣ горца сказанною рѣчью, которую князь тутъ же перевелъ. Громко грянуло вторичное «ура!» во всѣхъ отрядахъ и дѣло завершилось въ концѣ концовъ тѣмъ, что плѣннаго Шампила, при спальномъ конвое, отправилъ въ главный отрядъ на кегерскія высоты, а нашъ полкъ цѣлѣю расположился кругомъ аула.

Съ плѣненіемъ Шампила долгая, кровавая война на восточномъ Кавказѣ кончилась, и мнѣ остается теперь сказать нѣсколько словъ о на-

(1) Въ память этого событія, камень, на которомъ сидѣлъ главнокомандующій, въходитъ и теперь не тронутымъ съ своего мѣста и на немъ, впоследствии, высѣченъ былъ годъ, мѣсяцъ и часъ сдачи Шампила.

шемъ короткомъ пребываніи на Гунибѣ и потомъ слѣдованіи въ главный отрядъ на Кегерскія высоты. Съ отъѣздомъ Шамиля изъ Гунибѣ кругомъ аула была тотчасъ же выставлена отъ нашего полка цѣль, назначеніе которой состояло въ томъ, чтобы не пропускать въ селеніе нашихъ солдатъ во избѣжаніе нареканій жителей на какіе выбудъ безпорядки, потому что въ аулѣ въ это время поднялась большая суетня. Однако, любопытство видѣть семейство Шамиля сильно подстрекало меня, и потому, воспользовавшись тѣмъ, что туда отправилось нѣсколько человѣкъ нашихъ офицеровъ, я присоединился къ нимъ. Взобравшись на крышу одной сакли, которая примыкала къ помѣщенію Шамиля, я оттуда могъ видѣть все, что дѣлалось въ самомъ дворѣ. Тамъ мюриды таскали имущество плеча изъ сакли и укладывали его на арбы, которыя тутъ же стояли, готовые къ отправленію. Казим-Магома второй сынъ Шамиля (1), дѣятельно распорядился отправкою нагруженныхъ арбъ и самъ усаживалъ всѣхъ жевъ Шамиля, лицъ которыхъ мы, конечно, видѣть не могли, потому что народный обычай не позволяетъ правотѣрнымъ жевщинамъ открывать своего лица передъ глаурами. Жевщины покрыты были съ головы до пятъ бѣлыми чадрами и болѣе походили на какихъ-то допигающихся мумій, чѣмъ на живыхъ существа. Впрочемъ, меня болѣе всего интересовала личность самого Кази-Магомы, который въ послѣднее время войны игралъ весьма видную роль, какъ лхой предводитель преимущественно нагайцевскихъ партій. Казим-Магома, высокій и очень стройный мужчина, имѣлъ на видъ тогда около тридцати съ небольшимъ лѣтъ. Быстрый, орлиный взглядъ его, въ которомъ выражалось, какъ казалось мнѣ, много злобы къ русскимъ, сверкала какою-то дикостью. Онъ повелительно отдавалъ разнымъ приказаніямъ толпившимся кругомъ его мюридамъ и во все время внимательнаго ввизанія не обращалъ на русскихъ.

Въ пять часовъ пополудни, семейство Шамиля вышло изъ аула совсѣмъ, а наша цѣль оставалась на своихъ мѣстахъ до утра. Мы были на легкѣ, безъ пипелей, и на высотѣ Гунибѣ порядочно продрогли ночью. Помню, подъ утро я заѣлъ въ спирду хлѣба, которая стояла по близости насъ, и уже тамъ невмого отогрѣлся.

26-го августа, т. е. на слѣдующій день, рано утромъ мы выступили на Кегерскія высоты, въ отрядъ главнокомандующаго, оставивъ на

(1) Первый сынъ Шамиля, Джамалъ-Эдинъ, былъ выданъ русскимъ, въ видѣ заложника при штурмѣ аула Ахульго въ 1839 году, и воспитывался въ Петербургѣ, въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. При разлитіи погоны князя Орбеліани и Чачавадзе, полныхъ Шамилемъ въ оляны, при вторженіи его въ Кахетію въ 1854 году, Джамалъ-Эдинъ, бывший уже тогда нашимъ офицеромъ, по уговору возвратился обратно въ горы, гдѣ скоро умеръ.

Гунибѣ два баталіона пѣхоты. Пройдя отъ аула, около двухъ верстъ, мы подошли къ спуску, который имѣлъ сравнительно довольно удобную дорогу, до самаго Кара-Койсу, протекавшаго у подошвы горы. Здѣсь на пологихъ спускахъ, между выдавшимися отойскими скалами, устроена была горцами толстая каменная стѣна, съ башнями и воротами по срединѣ, защищавшая единственно возможный входъ на Гунибъ. Слѣды вчерашняго жестокаго побоища видны были тутъ по всюду: около стѣны укрѣпленія, и почти на каждомъ шагу по дорогѣ, валялись на землѣ обезображенные трупы убитыхъ горцевъ. Всѣ тѣла были раздѣты до нага, и давали не совсѣмъ пріятный видъ всей этой боевой картинѣ. Кто поторопился обобрать съ нихъ одежду и оружіе—было непавѣство, но до этого, прочемъ, никто и не допытывался.

Послѣ труднаго и большого подъема отъ самаго Кара-Койсу, мы выбрались, наконецъ, на Кегеры. Палатокъ у насъ не было ни какихъ, и потому пришлось пользоваться открытыми полями. Въ тотъ же день, около шести часовъ вечера, всѣ войска построены были въ баталіонныхъ колоннахъ, передъ шатромъ главнокомандующаго, который, выйдя къ нимъ, благодарилъ всѣхъ отъ имени Государя Императора за труды похода, утѣшавшагося столь блестящимъ концомъ, и, потребовавъ, за тѣмъ, къ себѣ главныхъ начальниковъ, тутъ же приказалъ сдѣлать особое представленіе къ наградамъ наиболее отличившихся.

Экспедиція наша была окончена. Отряды на слѣдующій день всѣ были распушены и мы двинулись обратно. Чуть свѣтъ, баталіоны наши выступили съ Кегерскихъ высотъ, обогнули съ южной стороны Гунибъ, и къ вечеру были въ своемъ лагерѣ; здѣсь мы переночевали въ послѣдній разъ, и на другой день, снявшись всѣмъ лагеремъ, направлись домой уже прямою дорогою черезъ Карадагскій мостъ, на аулъ Гоцотль, и далѣе черезъ сугратлинскую переправу въ свой, давно нами оставленный, Буртунай.

Перновскаго полка штабсъ-капитанъ Аноевъ.